

18 Владимир Романовский

Средневековый детектив

вторая книга Русской Тетралогии

Владимир Романовский

**Средневековый детектив. вторая
книга Русской Тетралогии**

«Издательские решения»

Романовский В. Д.

Средневековый детектив. вторая книга Русской Тетралогии /
В. Д. Романовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741743-7

Дело убийства Рагнвальда в Новгороде и его расследование — один из поворотных моментов в русской истории. В событиях, связанных с ним, участвовали все основные силы Европы. Историки как правило уделяют больше внимания «делу четырехсот лучших мужей», событию, безусловно связанному и с Рагнвальдом, и с действиями Ярослава, но сведения, содержащиеся в «Списке Тауберта», ставят причину и следствие на свои места.

ISBN 978-5-44-741743-7

© Романовский В. Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Брат и сестра	6
Глава вторая. У Житника	11
Глава третья. Строитель Детин	13
Глава четвертая. Против течения	19
Глава пятая. Порученец	25
Глава шестая. Единоборства	28
Глава седьмая. События на улице Толстых Прях	35
Глава восьмая. Новгородская Правда	46
Глава девятая. В лесу	62
Глава десятая. В доме боярина Викулы	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Средневековый детектив
вторая книга Русской Тетралогии
Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

© Владимир Дмитриевич Романовский, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Брат и сестра

Болярин Нещук, молодой и деятельный, явился в детинец в компании двух стражников. Стражники сопровождали его на тот случай, если Нещук вдруг вспомнит о каких-нибудь неотложных делах и задумает повременить с визитом, а то и вовсе забудет – люди бывают порою так рассеянны!

В детинце его препроводили в недавно реконструированный терем и ввели в гридницу, где на столе вместо яств и вин лежали хартии, письма на бересте, грамоты, фолианты, и прочая дребедень, а на полированном скамье сидел какой-то рыжий тип в богатом киевского покроя платье и рассматривал фолиант в кожаном переплете. Нещук, человек неглупый, сразу смекнул, что тип этот непрост и занимает какое-то важное положение при посаднике.

– Ты Нещук, болярин из рода Котова, проживающий в Ремеслах? – спросил тип, не вставая.

– Да, это именно я, – с достоинством откликнулся Нещук. – С кем имею честь и хвоеволие?

– Служитель княжеской казны, именем Яван, – ответил тип.

– Яван? Говоришь ты странно, Яван. Вроде как ковши говорят, – с наигранным недоумением заметил Нещук.

– Да, – подтвердил Яван.

Он кивнул ратникам, и они удалились.

– Ну, это не беда, Яван, – сказал Нещук, внимательно изучая собеседника. – Не все ковши твари продажные, я и порядочных встречал.

– Ничего удивительного, – согласился Яван.

– Есть, правда, в Киеве такие ... эта ... печенеги, – сказал Нещук, стараясь вызвать Явана на доверительный дружеский разговор. – Я вижу, ты не из них. По секрету скажу тебе – такой народ противный! Я, когда был в Киеве, имел возможность любоваться. Дикие они, а позволено им многое.

– Ты прав, – снова согласился Яван, откладывая фолиант в сторону и в свою очередь внимательно изучая Нещука. – Нет, я не из них. Я из межей.

– Межей? Это кто же такие?

– Это, вроде, иудеи.

– Иудеи? – протянул Нещук. – Это как же?

– В Библии упоминаются.

– А, да? Древний какой-нибудь народ?

– Относительно, – сказал Яван. – Есть и древнее. Я, впрочем, не знаток. Но, говорят, они составили заговор и владеют всем миром.

Нещук очень натурально удивился.

– Правда, что ли?

– Не знаю точно, но похоже на то, – сказал Яван неопределенным тоном. – Впрочем, это совершенно не относится к нашему с тобою теперешнему делу. Не от их имени говорю я с тобою, болярин, а от имени князя.

– Киевского?

– Нет, зачем же. Новгородского. Власть Киева на Новгород ведь более не распространяется, не так ли?

– Да, то есть, нет, – сказал Нещук. – И это, наверное, хорошо.

– Это не мое дело, – сказал Яван. – Мое дело – следить.

– Ага, – осторожно сказал Нещук. – Это тоже хорошо. У нас есть тут за кем последить. Такой, знаешь, народ кругом ... Ты, значит, спьен княжеский?

– Нет, – сказал Яван. – Что ты, что ты. Вовсе я не спьен. Я слежу, чтобы в делах денежных, к которым по глубокому общественному убеждению род и народ мой имеют склонность, порядок был в пользу князя.

– О, – уважительно сказал Нещук. – И как же ты за этим следишь, Яван?

– Разбираю письма да грамоты, считаю дань, смотрю, не обманывает ли кто князя, – объяснил Яван. – И если вижу, что обманывают, докладываю князю, а он наказание назначает.

– Да, это важная работа, – сказал Нещук. – Такие как ты нам очень нужны, очень. А то ведь люди, ежели за ними не следить, обманывать любят.

– И князь думает так же, – заверил его Яван. – Но что-то сложно у вас тут все, в Новгороде, по правде сказать. Вот если бы я киевскому князю служил, все было бы проще. Посоветовал бы ему взять под стражу всех межей, и дело с концом. Оно, конечно, не все межи у князя воруют, и не все, ворующие у князя – межи. Но все-таки. А в Новгороде труднее, ибо межей нет. Как тут узнать, кто ворует? Вот и приходится письма корявые разбирать. К примеру, вот в этой самой грамоте написано, что некий болярин Нещук освобожден от дани на год, ибо строит он укрепления.

– Так и написано? – спросил Нещук.

– Да, представь себе. Позволь у тебя спросить, где именно ты их строишь, эти укрепления.

– Э ... где?

– Да. Где.

– Ну, как. На окраине. Там, где стена. Сразу за нею.

– Это хорошо.

– Да?

– Еще бы! Вот если бы ты их строил где-нибудь в Литве, так какая от этого князю польза?

– Никакой.

– Вот именно! Наоборот, вред был бы великий, потому что бы их тогда литовцы бы использовали. Против князя.

– Да.

– А ты строишь на окраине. На какой именно, позволь спросить?

– Ну, на какой ... всего не упомнишь.

– А ты постарайся.

– Ну, вроде бы, возле Кулачного Конца.

– Да? Странно.

– Зачем же странно?

– А вот тут написано, что ты собирался строить укрепления у Черешенного Бугра.

– А! Точно, точно. Это я перепутал. Теперь вспомнил. Именно там и строю.

– А это еще более странно.

– Почему же?

– Я туда вчера ходил. К Черешенному Бугру.

– Зачем?

– Я там прогуливался.

– Почему же именно там? Разве уж не стало в Новгороде приятных мест?

– Знаешь, есть приятные. Совершенно с тобою согласен. Но иногда мне что-то в голову взбредет, так хоть кисель не варись – должен исполнить. Такой я человек. Ночей не буду спать, если не исполню.

– Ага. Не ограбили тебя там? Там лихих людей много.

– Я об этом подумал. Потому и взял с собою десять ратников.

– Десять! Сколько хлопот из-за одной прогулки!

– Зато какие результаты!

– Какие же?

– Девушка, с которой я там гулял, очень впечатлилась. Ее теперь можно голыми руками брать. Вся моя.

– Да? Интересно. Что же ее впечатлило до такой расслабленной степени?

– А удивилась она. Идет и говорит – Яван, говорит, а где же укрепления, ведь ты мне обещал показать укрепления! А я ей – они пали от одного взгляда прекрасных глаз твоих. А ей такого никто раньше не говорил.

– Да, действительно сильно. Надо запомнить.

– А ты все-таки скажи, почему не строятся укрепления?

– Я, Яван, не знаю почему. Я думал – строятся. Распустились работники, вот что. Ну да я скоро там порядок наведу. Уж это точно.

– Нет, не нужно.

– Почему же? Раз обещал, надо делать. Я от своих обещаний никогда не отступаю.

– Это делает тебе честь. Однако дань придется заплатить, и виру еще.

– Дань? И виру?

– Всю дань за прошлый год. И виру за неуплату.

– Послушай, Яван. Ты ведь человек добрый и честный.

– По разному. От обстоятельств зависит.

– Но ты ведь не чужд содействию за вознаграждение?

– Что ты, конечно не чужд.

– Ну вот и славно. Сорок гривен ты свои получишь. Завтра же.

– За что же это?

– За то, что скажешь князю, что укрепления строятся. А я уж не подведу – скоро начну их строить.

– Да? Хмм. А как зовут зодчего, который будет их строить? У тебя есть кто на примете?

– Конечно. Зодчий Лапа.

– Не могу.

– Что не можешь?

– Сказать так князю. Не могу. Позавчера я был у зодчего Лапы, и он мне сказал по очень большому секрету, что получил от тебя вознаграждение за содействие в размере пятидесяти гривен.

– Хорошо, я дам тебе шестьдесят.

– Нет, не надо. Лучше дай князю триста восемьдесят. Дань триста сорок, и сорок гривен виры. Награди князя, и он тебе посодействует. Прибавь к этим деньгам еще сорок за церкву.

– За церкву?

– Тут есть запись, что ты пожертвовал двадцать четыре гривны на строительство церкви. На самом деле дьякон Афанасий получил от тебя десять гривен. И написал князю, что церква строится.

– Афанасий врет.

– Я тоже так думаю. Я думаю, он получил от тебя не десять гривен, а больше. Вчера его взяли под стражу, а на его место назначили другого дьякона. Он произвел проверку и сказал, что даже котлован для фундамента не начали еще копать.

– Попы вечно все путают. И то сказать – греки. Кто их знает, что они говорят. Я мог дьякона как-то не так понять. Я не знаю греческого.

– Оно так, но я-то знаю греческий, – сказал Яван. – Дьякон сказал, что ты хороший человек. Так вот, даю тебе, хороший человек, три дня срока. Принеси, Нещук, всю сумму сюда, я выпишу тебе расписку, и содействие князя будет так велико, что он с большой радостью в сердце своем возьмет да и не посадит тебя в темницу на три года.

– Ты не забывайся, Яван, – сказал Нещук строго. – Ты не балуй словесно без повода. Кто ты такой! И кто я. Я вот сейчас пойду и пожалуюсь болярину Паршу.

- Это хорошая мысль. Так и сделай.
- Он не допустит, чтобы честные землевладельцы терпели обиды в детинце, оскорбления от ... кто ты такой, говоришь?...
- От межа.
- Вот. От межа. Который, к тому же, ковш.
- Конечно не допустит. Как, например, неделю назад он не допустил, чтобы я его оскорблял. Не допущу, говорит.
- Вот видишь!
- И заплатил все до последней сапы, предупреждая оскорбления. Четыреста восемьдесят гривен. Из них пятьдесят – серебром, новой чеканки, с портретом князя нашего.
- Он ... заплатил?
- Да.
- Он был должен?
- Он сказал, что в этом году у него на полях ничего не выросло, а в лесах ничего не водится. Как и в озере. И нужно восстанавливать хозяйство.
- И что же?
- Я послал человека посмотреть, и, может быть, помочь советом. Сделать так, чтобы росло и водилось. Человек обнаружил, что добрый Парш ошибся. И растет, и водится, и дань собирается исправно. У Парша было всего лишь предубеждение противу уплаты князю княжеской доли. Но оно быстро прошло, это предубеждение. Три дня, Нещук.

***

В глубокой задумчивости Нещук вернулся домой. Денег, какие требовал Яван, дома не было. Времени, чтобы послать людей собрать со смердов дань, тоже. Следовало одалживать, возможно под большой надстрой.

- Кедр! – крикнул Нещук.
- Опрятный холоп, служивший в доме экономом, вошел и поклонился.
- Сестренка твоя хочет тебя видеть, болярин, – сказал он.
- Какая сестренка?
- Известно какая. Какая в отъезде была. А нынче вернулась.
- А, да? Ну, леший с ней. Не до нее сейчас. Беги к Вострухину Мельнику, проси у него двести гривен. Под любой надстрой. Потом к Бескану, проси триста. И для ровного счета к Бажену, у него возьмешь еще двести.
- Бажен в отъезде.
- Да? Ах ты, хорла, как некстати. Проси у Бескана пятьсот. Может, у сестры деньги есть? Муж ее ... Впрочем, ладно. Беги к Бескану, а сестру пригласи сюда. Вот, пожалуйста, съездил князь наш замечательный к ковшам, научили его ковши, как людей приличных обирать.

Кедр поклонился и вышел. Через некоторое время в гридницу вошла сестра Нещука, именем Любава. Одета она была так, что Нещук поднял удивленно брови, несмотря на то, что отличался хорошими манерами и не обычно не допускал чрезмерно выразительной мимики. Вся одежда на сестре была с чужого плеча – и рубаха, и понева, и ... Волосы странно как-то уложены. Э, да она ж в лаптях! Ну и ну.

- С возвращением, сестренка, – сказал Нещук.
- Здравствуй, брат. Ты не возражаешь, я присяду? Очень устала.
- Садись, обязательно садись, – сказал Нещук. – Что нового? Как путешествовали?
- Муж мой погиб, – сказала она.
- Вот как! ... Мир его праху. А что случилось?
- Я не хочу сейчас об этом говорить, брат мой.

Как-то даже неудобно заводить разговор о деньгах, подумал Нещук. Что же делать? Судя по виду, у нее нет ничего. Муж погиб, надо же. Канул в Лету, и, видимо, вместе с деньгами.

– Устала я, Нещук, устала. Вернулась я вчера, а сегодня меня выгнали из дома.

– Как! – сказал Нещук. – Какого дома? Твоего собственного?

– Да.

– Кто?

– Новые жильцы. Просто выставили за дверь. И вот, видишь ли, я здесь вся, в чем есть.

– Это невежливо!

– Да.

– Это просто свинство. Как! Хозяйку дома! До чего мы погрязли в варварстве! Нет, все-таки Новгород – слишком северный город. Никогда здесь не будет ни хороших манер, ни порядочных отношений между людьми. Какие-то разбогатевшие смерды, небось?

– Возможно. Они мне не сказали, кто они.

– Я этого так не оставлю. Я пойду к князю, сестра! Нет уж, это им придется забыть. Распустились!

– Нещук, брат мой, – сказала Любава. – Мне неудобно тебя об этом просить, но мне нужны деньги.

– Да, я понимаю, – ответил он, умеряя пыл. – Да, сестренка. Ты подожди немного только. Недели через две я смогу тебе дать денег. Не много, но смогу.

– Мне нужно сейчас.

– Сейчас? Очень жаль. Очень, очень. Сейчас – такое положение, сестра ... тут ко мне давеча приходили двое ... Любо-дорого ... видела бы ты ... водили меня в детинец. Три дня сроку дали собрать нужную сумму, а иначе плохо будет. Эх! Приехала бы ты на неделю раньше.

– Тогда, если ты не можешь дать мне денег...

– И хотел бы, сестра. Ты знаешь, семейные связи в нашем роду крепки, на них все и держится. Но не могу я сейчас.

– Тогда позволь мне у тебя немного пожить. совсем недолго. Мне некуда больше пойти.

– Ах, сестра, как можешь ты так говорить! Некуда пойти! Столько друзей, столько хороших знакомых! Да от тебя в этом городе все без ума! Ты, сестра, в завидном положении по сравнению со мною! Нет, нет, я нисколько не умаляю твое горе. Но пойми – это *мне* некуда пойти. Не сегодня-завтра явится стража, и у меня отнимут дом и даже носильную одежду. Безделушки, фамильное золото – все. Я не могу поставить тебя в такое положение, чтобы вдруг, пришедши за мною, стража нашла бы заодно и тебя, и чтобы мой позор тебя коснулся! Нет, нет. Нельзя. Береги честь семьи, сестра. Пойди к подругам. О, богиня луны, да всякий в этом городе почтет за честь предоставить тебе дом и стол. А я – всего лишь бедный гонимый должник. Сегодня я еще похож на себя вчерашнего – беззаботного, легкомысленного, веселого, а завтра я буду укуп презренный и, поскольку я ровно ничего не умею, кроме как тратить со вкусом деньги, меня по истечении срока отдадут в холопы и будут пороть кнутом. И буду я где-нибудь прислуживать, пригибаясь, в каком-нибудь доме, обитатели которого еще вчера считали за честь поклониться мне на улице и осведомиться о состоянии моего здоровья. Как преходяще всё, как зыбко, сестра!

– Я пойду к князю, – сказала она.

– Не думаю, что он тебя примет. Иди лучше к друзьям – хоть к своим, хоть твоего бедного мужа. Тебе везде будут рады. А мне нужно заняться делами, сестра. Может, что-то еще и удастся спасти. Вот какие мы с тобою несчастные, сестренка – мы, чьи предки породнились с Хельей Псковитянкой! Как несправедливо это, как несправедливо! Ты, как найдешь себе угол, дай мне знать тотчас же, потому как, кто знает, возможно очень скоро тебе придется потесниться, чтобы и мне там место нашлось. Как мы несчастны.

Глава вторая. У Житника

Было далеко за полдень, день теплый, и то хорошо. Любава подумала – а не снять ли лапти? Босая болярыня все-таки как-то приличнее, чем болярыня в лаптях. Но не сняла.

Стража не хотела пускать оборванку в детинец, но проходивший случайно мимо сотенный узнал Любаву, поклонился, велел молодцам расступиться, и некоторое время пристально смотрел ей вслед. В княжеском тереме она по привычке сказала, что ей нужно видеть посадника, и ее привели в занималовку, но вместо Ярослава, который отсутствовал, в занималовке ее встретил Житник. Этого Любава не ожидала и растерялась.

– О, кто к нам пришел! – Житник, сияя улыбкой, поднялся из-за стола. – Горясер, выйди, я с тобой потом договорю.

Маленький юркий человек поспешно вышел, успев тем не менее смерить Любаву насмешливым взглядом.

– Это как же! – сказал Житник сочувственно, когда они остались одни. – Ты – и в таком виде.

– Я хотела ... говорить с князем.

– Это все равно. Чем я хуже князя. У тебя к нему дело – скажи какое, может, я смогу помочь чем-нибудь прежде, чем князь.

– Нет, я...

– А даже если ты увидишь князя, все равно ведь, если нужно что-то делать, придется делать мне. Князь не занимается делами.

Она молча смотрела на него. Он изменился – в лучшую ли сторону, в худшую ли – понять было трудно. А вдруг поможет?

– Муж мой... – начала она.

– Да, я слышал.

Она не спросила где и от кого.

– А я вчера только приехала. А сегодня у меня нет ни жилья, ни денег. И я хотела взять у князя займы.

– Займы? – Житник улыбнулся. – Князь занимается ростовщичеством? Вот уж не знал.

– Я отдам, и очень скоро.

– Не думаю. Скажи, Любава, брат твой тебе не помог?

Она промолчала.

– Значит, не помог. Редкостная сволочь у тебя брат. Вообще-то с деньгами в городе плохо. То, что не прибрал к рукам строитель Детин, истратили на наемников, казна пуста. У меня, правда, есть свои сбережения. И я бы мог с тобою поделиться.

Она снова промолчала.

– Но сперва выслушай меня, Любава.

Большого роста, плотно сбитый, с мрачно смотрящими глазами, в богатой одежде которая ему совершенно не шла, Житник присел на край стола, тяжело глядя на Любаву.

– Помнишь ли, болярыня, пять лет назад мы виделись в Снепелицу. Хорошее было время. Я подошел к тебе, поклонился, и предложил – всего лишь – погулять со мною по берегу. Я не просил большего, а одна вечерняя прогулка – это совсем немного, болярыня.

Любава смотрела в пол, не смея поднять глаза.

– И что же? – сказал Житник, глядя с неприязнью на ее опущенную голову, на ссутулившиеся плечи, на ноги в лаптях. Неприятная улыбка играла у него на лице. – Меня одарили надменным взглядом и холодно сказали, «Как-нибудь в другой раз». О, болярыня, какие замечательные слова!

Сколько в них глубинного смысла, хотел сказать он, но не сказал, сколько презрения, и сколько страданий человеческих они помнят! «Как-нибудь в другой раз» – живут слова эти своей жизнью, известны всем народам, с очень давних времен. Они, слова эти, помнят отчаяние жаждающего, которому не управились подать воды; бессильную ярость радетеля, пришедшего попросить князя о милости и пользе народной; обреченный вздох миссионера, которого не пожелали слушать; слезы зодчего, вынужденного из-за нехватки средств бросить строительство на половине; равнодушие правосудия; надменность вышестоящих, к которым обратилась поруганная девушка. Эти слова вовсе не означают – пошел вон, подлец. О нет! Они означают – ты настолько мелок, что такие, как я, «пошел вон» тебе не скажут, у них дела и заботы поважней. Не говорят червям «пошел вон!»

Некоторое время он молчал, и она не смела нарушить молчание. Суровый взгляд, суровые слова – будто ждал он этого момента, будто готовился, и точно знал, когда и зачем она к нему придет.

– Я, болярыня, был тогда молод, у меня была нежная кожа, и твое «как-нибудь в другой раз» ранило меня глубоко.

Запало ядовитой расплзающейся каплей в душу, подумал он.

– И вот ты стоишь передо мной. Посмотри на меня.

Она подняла голову и посмотрела на него.

– Стоишь ты передо мной, и мне тебя не жаль.

Он все еще улыбался неприятной улыбкой. Она хотела уйти, но он остановил ее.

– Знай, болярыня, – сказал он тихо, – никто в городе этом не протянет тебе руку помощи.

Никто не даст тебе кров, никто не оденет и не обогреет. Будешь ты спать под открытым небом, благо сейчас тепло. Будешь ты мыкаться пешком по неприветливым улицам. Ибо этот твой «другой раз» настал.

Она попыталась вырваться, но он держал ее за плечо, без видимых усилий, но крепко. Хватка у него была стальная.

– И пройдет неделя, болярыня, и снова ты придешь ко мне. И, собрав воедино то, что осталось у меня от добрых к тебе чувств, так и быть устрою я тебя на хороших условиях домоправительницей в какую-нибудь купеческую семью. Ты ведь, болярыня, крещеная – вот и будешь жить в соответствии с заветом. Нижайший здесь – велик Там. Помнишь?

Он улыбнулся еще раз – на этот раз презрительно – и повернулся к ней спиной.

– А теперь иди, – сказал он.

Слез не было. Давно все вышли.

Глава третья. Строитель Детин

Возражения против постройки моста через Волхов были такие: раньше жили без моста, и теперь проживем. Зачем нам мост, помилуйте, люди добрые? По нему к нам придут враги. И что там такого, на другой стороне Волхова, чего здесь у нас нет, чего ходить туда-сюда? А если и есть там чего такое, то можно заплатить перевозчику, вон трое сидят на берегу. Надо же – мост. Подумаешь.

Все это было так, но если продолжить эту логическую цепочку дальше, можно заодно сказать, что и без домов живут люди, и без улиц, и без церквей, и даже без торга. И голым можно ходить и сидеть, когда тепло. И без огня прожить можно, и без коров, и без свиней и курей. И без греков. Некоторые даже без баб жить умудряются, но это слишком. От бабы человеку утешение. Правда и морока – тоже, но тут уж ничего не поделаешь – задарма, просто так, не утешись, такого никогда не было.

Житник ничего не имел против постройки моста, несмотря даже на то, что инициатива исходила от Ярослава (а это было плохо – Ярослав вел себя все инициативнее, вмешивался в управление, говорил какие-то несуразности с глубокомысленным видом, смущал народ). Тем не менее, как все люди с большими амбициями, Житник склонен был благоволить грандиозным проектам, и идея ему нравилась.

Возникло затруднение – Яван, которого Ярослав неизвестно откуда и зачем приволок в Новгород и рекомендовал Житнику (и Житнику Яван, как только он убедился, что он не спьян, но действительно человек знающий и умелый, понравился), только начал разбираться с городскими финансами, и в казне не было пока что достаточного количества денег. А строить Ярославу очень хотелось. Поэтому было решено, что богатый местный купец возьмет на себя половину расходов, а за это его (купца) освободят от дани на время постройки и с каждого переходящего через мост двое стражников будут взимать плату, половина которой перечисляться будет купцу. Помимо этого, на другой стороне Волхова планировали построить Новый Торг, и даже начали уже равнять землю и ставить заграждения и аркаду. Сговорились с купцом по имени Детин – человеком известным, несказанно богатым, средних лет, степенным, начинавшим в свое время с торговли шелком, но с тех пор приобретшим долю во всех торговых и строительных предприятиях города, включая Готский Двор. Ярослав послал Явана к Детину, и они долго торговались, приводили доводы, красноречиво скорбели по поводу нежелания собеседника понимать, о чем речь, но пришли в конце концов к соглашению. Большой выгоды Детин для себя в постройке моста и Нового Торга не видел, рассчитывал потерять скорее чем приобрести, но согласился из тщеславия.

Нашелся временно мыкающийся без дела италийский зодчий, за четыре дня представивший князю, Детину, и Явану план постройки и какие-то мудреные расчеты, и, конечно же, смету. Ярослав, опершись на сверд и поглядывая на италийца, рассматривал рисунок.

– А это что такое? – спросил он неожиданно по-италийски.

– А это, – ответил италиец, – стоимость каждой секции, подетально. Приблизительная, конечно же.

– Яван? – сказал Ярослав.

Яван, с сомнением порассматривав италийскую цифирь, сказал, —

– Сожалею. Я в этом совсем не разбираюсь.

Но оказалось, что разбирается Детин. Внимательно изучив каждый пункт сметы, поглаживая бороду, он начал задавать вопросы, и италийцу пришлось признаваться в некоторых ошибках, которые и не ошибки были вовсе, но допущения, хотя почему-то все допущения были в пользу италийца, а не княжеской казны. Когда они дошли до конца сметы, Детин вернул ее италийцу и пожал плечами.

– Мошенник, – объяснил он.

Ярослав подумал, посмотрел на Явана (тот кивнул), и обратился к италийцу.

– Перепиши наново. Без глупостей. Не то мы тебя выпорем прилюдно.

Через день италиец представил честную смету. Наняты были холопы и укупы, большей частью деревенские. Их хозяевам заплатили за пользование.

***

Люди Детина позвали его на место строительства. Случилось несчастье.

Первая секция моста стояла почти готовая, и, используя ее, строители подтягивали балки для второй. Сельские холопы, составляющие большинство рабочих, очень затягивали процесс, к великому неудовольствию зодчего. Привыкшие в лесах своих, вдали от городской толчеи, к размеренной жизни, проявляли они тугодумие и лень, и даже хамили зодчему, плохо понимавшему их деревенский диалект. Ратники, охранявшие строительство и следившие, чтобы население не растаскивало для домашних нужд стройматериалы, только посмеивались.

Какой-то деревенский укуп, прибывший в Новгород на заработки, проходил мимо, засмотрелся на происходящее, и вдруг признал в одном из рабочих старого знакомого.

– Меняло! – крикнул он.

Меняло держал в это время веревку, закинутую через поперечник. Другой конец веревки поддерживал в равновесии укладываемую балку. Увидев знакомого, он восхищенно крикнул, «Дервак!», выпустил веревку, и пошел навстречу. Тяжелая балка качнулась, сбила противовес, жახнула тараном в тройную сваю, которая накренилась и стала заваливаться набок. Треснули временные перекрытия, посыпались леса, и один из поперечников, плохо закрепленный, временный, рухнул вниз, раскроив одному из рабочих, возившемуся у сваи, череп. Еще трое рабочих попадали в реку. Правая половина секции поползла и дала крен.

Зодчий схватился за голову. Толпа зевак, присутствующая на берегу, начала стремительно расти.

Прибыв на стройку, Детин одним взглядом оценил положение. Удостоверившись, что тот, кому балка упала на голову, мертв, а трое упавших в реку невредимы, он послал одного из своих людей в Готский Двор. Купцы указали послу, где живет еще один италийский зодчий, и вскоре он, зодчий, появился у моста. Детин обратился к первому зодчему.

– Все рисунки и цифирь передай ему немедленно, – сказал он, указывая на новоприбывшего зодчего. – Пойдешь потом в детинец, к Явану, объяснишь, что произошло, он тебе заплатит столько, сколько тебе причитается.

– Я хороший зодчий, – сказал несчастный италиец.

– Я знаю, – сказал Детин. – Беда вот только, что после сегодняшнего тебя никто здесь слушать не станет. Всего доброго. – Он повернулся ко второму зодчему. – Планы ты видел?

– Да.

– Приступай.

– Мне бы хотелось кое-что изменить в планах, – сказал второй зодчий, очень чисто говоривший по-славянски.

– Что именно?

– Угол арки рассчитан неверно.

– O diablo! – крикнул первый зодчий. – Maligno bugiardo! Va» fa» un culo!

– Под стражу возьму, в темницу посажу, – пригрозил Детин. – Иди.

Несчастный зодчий ушел.

– Что-то насчет угла арки, – напомнил Детин.

– Да, – сказал новый зодчий, глядя вслед уходящему. – С таким углом мост года не простоит.

- Почему?
- Давление распределено неправильно.
- Что нужно сделать, чтобы поправить?
- Разобрать первую секцию и собрать снова.

Детин посмотрел на накренившуюся секцию.

– Разбирай, – сказал он. – Эй, вы! Холопья! Да, вы все. Идите все сюда. Живо.

Они приблизились, не смея глядеть в глаза Детину – кроме виновника происшествия, который не осознавал толком, что он виноват. Он случайно выпустил веревку – с кем не бывает.

– Ты и ты, – Детин указал на двух из двадцати. – Похороните тело.

Отдав еще несколько распоряжений и велев выпороть непонятливого виновника и отправить его обратно к хозяину, Детин невозмутимо проследовал степенным шагом вдоль берега на север, где, у самой окраины, на месте сгоревшего Евлампиева Круга, строилась нынче церква. Место, на взгляд Детина, выбрано было неудачно, и поэтому в постройке он участия не принимал.

На травянистом крутом склоне, ведущем к Волхову, сидела женщина в не очень чистой, изначально небогатой одежде. Детин принял ее было за отбившуюся от труппы скоморошку, но что-то привлекло его и в позе, и в осанке женщины. Приблизившись, он понял, что хорошо ее знает.

– Любава? Ты ли это? – спросил он.

Женщина обернулась.

– Здравствуй, – сказала она равнодушно, и снова стала смотреть на Волхов.

– Почему ты в таком виде? Что ты здесь делаешь? Как муж твой, здоров ли?

– Муж мой погиб, – сказала она.

Детин снял сленгаппу, разложил ее рядом с Любавой, и сел. Он не предложил Любаве переместиться с травы на сленгаппу – не потому, что был плохо воспитан, но в виду практичности своей, справедливо решив, что в отличие от его шелковых портов, одежда Любавы не стоит, чтобы о ней чрезмерно заботились.

– Что случилось? Тебе трудно говорить?

Они были знакомы раньше. Происхождения Детин был низкого, дед его состоял холопом в окрестном селении. Несмотря на это, будучи человеком деловым, умным, деятельным, и удачливым, сделался Детин однажды сперва богат, а затем так богат, что отказывать ему в приеме не смел ни один новгородский боярин. И даже Яван, разобравшись по наущению Ярослава с делами Детина и нашедший в них много интересного, решил не докладывать об этом интересном князю до поры, до времени – треть денежного оборота города проходила через руки Детина, и сходу, без подготовки, вступить в борьбу с этим предпринимателем означало бы – поставить под угрозу благосостояние всей северной столицы.

Любаву Детин встречал часто – на празднествах, в церкви, на званных обедах, и был хорошо знаком с ее мужем, боярином знатным но не чуждым торговли – через подставных лиц, разумеется – и строительства. Северо-западный хувудваг, связывающий Новгород с Балтикой, они улучшали у укрепляли вместе, экономя любыми, часто жестокими, методами княжеские средства и деля пополам солидные барыши.

– Говорить? – Любава грустно улыбнулась. – Говорить...

Она не знала, стоит ли говорить, но была она на грани полного изнеможения, а Детин – первый за долгое время проявил к ней сочувствие.

И рассказала она ему все, что помнила сама. Рассказала о том, как муж решил перебраться на время в Константинополь. Как они ехали с пятью холопами – сперва на ладье, потом в повозке, потом снова на ладье. Как в Таврическом Море ладью, следующую вдоль живописного берега, атаковали пираты. Как перебили они, пираты, всех, а ее, Любаву, забрали себе на корабль и приковали цепью в трюме. Затем следовал в памяти Любавы неприятный провал,

смутно представлялись какие-то греческие священники, кони, повозки. После этого ясно помнила она двух немецких купцов, которые доставили ее в Новгород и поехали дальше, в Швецию, а может Данию. Рассказала Любава Детину, как ей отказал от дома брат, а затем, поглумившись, выгнал из детинца Житник, он же посадник Константин.

– Стало быть, – сказал Детин, – Константин набивался тебе когда-то в любовники? Прости, что спрашиваю прямо, но мне нужно это знать.

– Да.

Некоторое время Детин молчал.

– Слушай меня, Любава, – сказал он наконец. – Я скажу тебе сейчас нечто очень важное, и умоляю тебя не обижаться на меня – ни унижить, ни оскорбить тебя не входит в мои намерения, совсем наоборот. Ты попала в огромную немилость. Возможно, твой брат вовсе не случайно тебе отказал. Но это сейчас не важно. Важно другое. Я к тебе неравнодушен. Давно.

Любава посмотрела на него затравленно.

– И ты об этом знаешь, – продолжал он. – Первый раз я видел тебя два года назад, на Пасху. Ты была уж венчана. Я заговорил с тобою. С тех пор я искал случая, или предлога, встретиться.

Он умолчал о том, что купил половину домов на ее улице, равно как и о том, что муж Любавы знал об этом и принял решение переехать на несколько лет в Константинополь вовсе не из боярского каприза.

– К несчастью я женат, а многоженство не принято более в наших краях, – развил мысль Детин. – Но я мог бы предложить тебе кое-что помимо замужества. А именно, сожитительство.

– Нет, нет, – сказала Любава.

– У меня есть прекрасный дом, как раз между Подолом и детинцем, на Улице Толстых Прях. Ты ни в чем не будешь нуждаться. У тебя будет столько слуг, сколько ты захочешь. У тебя будут любые наряды. Ты сможешь принимать гостей. Я прошу немногого – проводить с тобою три вечера и ночи в неделю.

– Ужасно, – сказала она, закрыв лицо ладонями. – Как страшный сон, который никак не кончится.

– Ничего ужасного. Посмотри на меня. Разве я тебе отвратителен?

Нет, он не был ей отвратителен. Полноват – да. Чуть слишком степенен – да. Простоват лицом. Но чист, хорошо одет, не зол. И уверен в себе, а это всегда очень подкупает женщин.

– Дело не в этом, – сказала она. – Ты предлагаешь, чтобы я стала твоею содержанкой.

– Во все нет, – сказал он. – Что за противное слово! Посмотри мне в глаза. Пожалуйста. Может ли человек, который смотрит на тебя так, как смотрю я, допустить, чтобы ты была его содержанкой? Подумай. Я честно готов тебе помочь.

– Но не бескорыстно.

– Помог бы и бескорыстно, если бы не был уверен в том, что отдохнув, снова придя в себя, снова блистая, и имея достаток – ибо я подарю тебе земли – ты не забудешь тут же о моем существовании, или, что еще хуже, не будешь смотреть на меня с высокомерной жалостью. Так будет, я знаю. ... И я тебе помогу добиться такого положения, когда ты ни в чем не будешь зависеть ни от меня, ни от кого-то еще. Поэтому сейчас я просто пользуюсь случаем. Это неблагородно, но отвергнуть эту возможность – выше моих сил. Сейчас мы равные. Завтра я опять стану – просто купец и строитель, очень богатый, но из простого рода, а ты переедешь в Киев, чтобы забыть о связи со мной. Союз наш будет временным.

Она молчала, вспоминая. Кажется, у купцов есть какой-то свой кодекс чести, и, кажется, они считают обман нарушением этого кодекса. Так ли это?

***

Люди, побывавшие в переделках, подобных тем, в которой побывала Любава, люди в несчастье, люди в отчаянии менее склонны, чем другие, воспринимать с чрезмерной серьезностью выражения вроде «падшая женщина» или «продажная девка».

Лишь слегка шокированная предложением Детина (шок выразился в том ее машинальном «нет, нет»), Любава, увидев, что он ей на самом деле предлагает, решила, что ничего позорного в этом нет. Поразмыслив и вспомнив, сколько ее подруг мечтали выйти, а потом и выходили, за людей состоятельных, не испытывая к ним никаких особых чувств; вспомнив общепринятые по смерти одного из супругов повторные браки по расчету; вспомнив абсурдные, никак не сочетающиеся пары; вспомнив, что любимая тема разговоров замужних женщин – молодые любовники, она решила, что поступает честнее, чем они все. Помимо этого, большинство мужей, которых она знала, а знала она многих, были весьма противные мужи, в то время как Детин – благообразен, вежлив, и даже, наверное, добр.

Сословные различия беспокоили Любаву еще меньше, чем вопрос морали. Да, Детин – купец. И что же? Чем купцы, грабящие людей с помощью хитрости и прозорливости, хуже, чем бояре, единственное достоинство которых состоит в том, что произошли они от разбойников, грабивших с помощью силы и вероломства? В старину считалось, что люди высокородные – родственники богов. Теперь, когда половина Новгорода исповедовала христианство привычно, а не для виду, некоторые пытались утвердить языческие принципы в новой религии, уверяя, что высокородные суть избранники Господа, но получалось плохо. Любава, читавшая Библию хоть и давно, зато в греческом оригинале, не помнила ни одного достаточно серьезного подтверждения этому тезису.

Дом, в который привел ее Детин и в котором сделал он ее полновластной хозяйкой, располагался на красивой уклонной улице, напоминающей киевские «спуски», известной в Новгороде как Улица Толстых Прях. Дом деревянный, но очень добротной постройки. Никакие пряжи, ни толстые, ни худые, на улице не проживали, и почему она так называлась – неизвестно. Облюбованная людьми состоятельными, имела улица свою охрану, нанятую домовладельцами в складчину. Денно и ночью по улице передвигались вверх и вниз четверо ратников, следя за порядком, не допуская безобразий, и осведомляясь у людей, не соответствующих видом своим ровному спокойствию улицы, чего им здесь, собственно, нужно. Вне зависимости от степени вразумительности ответа, людям этим предлагалось перейти на какую-нибудь другую улицу, сперва вежливо, а затем, если тот, кому предлагали переход, начинал раздумывать – с применением силы.

По просьбе Любавы нанял ей Детин служанку из гречанок, плохо понимающую местные языки, славянский и шведский – чтобы не сплетничала. Нашелся и повар, именем Груздь, молчаливый, мрачный, и большой мастер своего дела. Прошлое у повара было темное, но хороших поваров, которым нечего скрывать, не бывает. И стала Любава жить с Дентином.

Приходил он, как и обещал, три раза в неделю, под вечер, и оставался ночевать. Вел себя обходительно, без фамильярностей, относился к Любаве не как к жене, но как к высокопоставленной любовнице, целовал ей руку. Вскоре она стала находить, что он не просто добр и великодушен, но и умен, и рассудителен, и даже иногда порывист и страстен, да еще к тому же и остроумен. И красив. Несмотря на простоватость, черты лица его были правильные, а глаза блестящие. Из-за посещения Любавы Детин вынужден был отказаться от частых званных обедов и за месяц похудел и поздоровел отчетливо. Жена его конечно же все знала (он не очень скрывал), но не смела протестовать.

Мало помалу Любава стала выходить из дому – в памятных ей по прошлой жизни простых, ровной расцветки одеждах, которые стоят дороже любых других, и начала даже встречаться с бывшими подругами. И, странно – вопреки ожиданиям, подруги не шептались при ее появлении, не прятали глаза, не улыбались фальшиво, не сыпали напыщенными фразами, не проявляли нарочитого сочувствия – словом, не осудили. И только один раз, на званом

обеде, кузина подруги, молодая, коровьего вида замужня, в будущем, судя по пухлости щек и шеи, толстуха, высказала что-то сквозь зубы, на что ей и было Любовью замечено, что толстых ее ляжек раздвиг, будь он трижды узаконен церковью, гораздо похабнее и преступнее, чем телодвижения уличной хорлы, ибо в отличие от целомудренного якобы-долга, уличные хорлы не обещают того, чего не могут выполнить. В общем, не много ты счастья муженьку своему преподнесла, корова лоснящаяся.

И наладилась жизнь у Любовы настолько, что находилось теперь у нее и время, и настроение всплакнуть в одиночестве о погибшем муже, и даже попытаться вспомнить, преодолевая страх – что же было между пиратским нападением и повозкой, следующей в Новгород. Но так и не вспомнила.

Глава четвертая. Против течения

Замечательное место – Первый Волок. Почему он Первый? Потому что волоки считают от Новгорода на юг. Лет двести уже, если не больше, пользуются люди Первым Волоком. Проще было бы проложить там хувудваг на киевский манер, но не состоит Первый Волок в юрисдикции Киева, а новгородские посадники медлят. Не доверяет Новгород Руси, боится, что хувудваг облегчит путь киевскому войску, если захочет оно вдруг в Новгород прибыть. А иноземных войск в Новгороде и без ковшей хватает.

Посудина купца Кудеры развалилась на несколько частей при первой же попытке выволочь ее на берег, и Кудера долгое время сокрушался гласно, проклиная хитрого киевлянина, который продал ему эту рухлядь. Попутчики Кудеры – четверо варангских ратников, один псковский плотник, один путешественник, по выговору новгородец, но в константинопольской одежде, один непонятного происхождения живчик с наглыми глазами, и двое дюжих молодцов – молодой и постарше – тут же направились всей компанией к единственному в окрестностях дому – налаживать ужин и ночлег на тот случай, если не прибудет еще кто-нибудь с более надежным судном. Время было позднее.

На рассвете к волоку приблизился солидный кнорр – три богатых купца, один подозрительный тип в константинопольском пестром и ниспадающем, и дюжина варангов, нанятых для охраны. Кундера, рано вставший, поспешил к купцам, а за ним последовали проснувшиеся от грохота выволакиваемого на берег кнорра и ругани варангов остальные. Большой выгоды в дополнительных попутчиках у купцов не было, но сработало свойственное этому сословию чувство взаимовыручки. Ну, разве что, приглянулись им двое дюжих – такие будут тянуть кнорр лихо, пойдет как под парусом. Охранники быстро собрали длинную плоскую скринду и водрузили на нее кнорр с товарами и прибылью, после чего один из них забрался внутрь и выкинул один за другим концы тяговых канатов. Присоединившимся вменялось помогать волочить.

Тут сделалась заминка. Один из здоровяков, приглянувшихся купцам, сразу взялся за канат, а вот второй, тот, что постарше, потер сонные глаза тыльной стороной руки, поправил богатую сленгкаппу, и сказал, —

– Забавно.

А за канат не взялся. Более того, весь его вид говорил о том, что он ждет, как остальные начнут волочь кнорр – а он будет смотреть, будто это для него скоморохи представление устроили.

– А ты что же это, друг? – спросил один из купцов. – Не идешь с нами?

– Отчего же. Иду, – ответил молодец благосклонно.

Волок привилегий не знает. Будь ты хоть самый богатый купец в мире, хоть боярин, хоть сам император Нового Рима – коль скоро идешь волоком, изволь помогать. Исключение делается только для женщин, но и им работа находится – того поить, тому морду обтереть влажной тканью, дабы не осела на вспотевшей морде дорожная пыль и не пошла бы морда угрями и прыщами. Правило всеобщей занятости на волоке до того старое, веками одобренное, что как-то странно его вслух произносить, напоминая. Да и не произносит его никто – и так все знают.

Молодец спокойно ждал. Богатый купец, проявляя деликатность, свойственную купцам, не промышляющим на торге, а только по соглашению с богатыми заказчиками, смущаясь слегка, взялся за канат. Скринда двинулась.

– Эй, Гостемил, – сказал второй молодец, тот, что был моложе. – Ты чего это рядом вышагиваешь? Не устанешь ли?

После некоторого раздумья, тот, кого назвали Гостемилом, сказал, —

– Ты прав. Не выспался я. Эх, ломит тело-то. А ну, люди добрые, остановитесь!

Поравнявшись с впередиидущим варангом, он положил ему руку на плечо, и варанг остановился. Следующий за ним варанг наткнулся на впередиидущего, а третий на него, и вскоре все десять человек с левой стороны кнорра остановились. Впередиидущий непременно упал бы от напора сзади, но Гостемил его удержал – без всяких усилий, одной рукой.

Также остановились идущие справа, но там некому было придержать впередиидущего, и он, да, грохнулся, а второй навалился на него сзади. Посыпались нечленораздельные ругательства.

Кнеррир на скриндах не останавливаются как вкопанные – слишком тяжелы, слишком велика инерция. И поехал бы кнорр дальше, если бы не Гостемил. Свободной рукой он ухватился за борт кнорра и, опять же без видимых усилий, остановил его.

– Я сейчас, – объяснил он.

Обойдя кнорр, он ухватился руками за корму, подтянулся, перевалился, и некоторое время возился на палубе – многие решили, что он что-то там ищет, а на самом деле он просто устраивался поудобнее, раскладывая сленгкаппу, подкладывая под голову суму, прикрывая глаза киевской шапкой с очень дорогим околышем. Вскоре с палубы донесся его голос —

– Ну, чего встали? До Ловати десять часов ходу, не меньше. Двигайтесь, что ли, а то ведь нескоро поспеем.

На самом деле все двадцать (часов), но дело было не в этом, а в несказанной наглости молодца. Один из варангов бросил канат и, отступив на четыре шага и закинув голову, грозно сказал, —

– А ну слезай оттуда! Ишь разнежился там! Слезай, слезай!

Гостемил некоторое время ворочался, а затем над бортом показалась его голова.

– Ну что ты кричишь? – спросил он миролюбиво. – Я неумелый и капризный. Если придется мне тянуть канат, то буду я все время ныть и ворчать, и только всем мешать. А коли пойду рядом – тоже буду ворчать и портить всем настроение. А так – лежу себе, никого не трогаю. Понимаешь? Тут ведь главное понять и войти в положение мое. Дир, скажи ему.

Второй молодец, что помоложе, обратился к возмущенному варангу —

– Да, пожалуй он прав. Действительно, так хлопот меньше. Не связывайся с ним, пусть лежит там себе.

Некоторое время варанг раздумывал, и остальные тоже раздумывали, но время шло, а скринда стояла на месте, и делу раздумья не помогали. Варанг покачал головой и снова взялся за канат.

Четыре часа спустя волокущие начали размышлять о привале и подкреплении сил походной едой. Гостемил проснулся, потянулся, снова выглянул из-за борта и ласковым голосом сказал, —

– Я тут позавтракаю, а вы пока тяните. Как кончу завтрак, скажу, тогда и залезете и возьмете себе чего-нибудь. А то я в большом обществе завтракать не очень люблю. В обществе нужно обедать, а завтрак дело такое – интимное очень.

Лица вытянулись. Иногда человек скажет такое, что не знаешь, что и ответить. Скринда продолжала катиться по волоку. Путь пошел в этом месте под гору, и у некоторых возникла мысль – а не пустить ли скринду на самотек, да не подтолкнуть ли еще для верности, пусть впилится вон в тот дуб вместе с этим гадом. Но стало жалко кнорра.

– Ты с ним давно знаком? – спросил варанг у Дира.

– Не очень.

– Вместе путешествуете?

– Я-то один отправился, только холопа моего взял. Так не поверишь, прицепился он. Гостемил. Я, говорит, тоже на север еду. Я ему говорю – у меня времени нет, у меня важное дело в Новгороде. Он говорит – и у меня тоже. С ним лучше не спорить, проще. Холопа моего,

заметь, совсем загонял путем – все ему не так, все требует улучшения и поправки. Порты заставлял стирать каждый вечер, а потом ныл, что плохо постирано.

***

На подходе к Новгороду человек в константинопольской одежде приблизился к самому носу судна и стал внимательно смотреть на приближающийся город. С виду все было так же, как три года назад, те же силуэты, те же общие черты, та же стена детинца, зачем-то построенная со стороны реки, кирпичные укрепления, та же, гордо именуемая Софией, деревянная церква с конусообразным верхом в детинце. И все-таки город изменился. Следовало походить по улицам, чтобы понять – как.

***

Бывший весьма низкого мнения о способностях своих новгородских коллег, зодчий вынужден был признаться самому себе, что за время его отсутствия город сильно похоронел. Каменных зданий не прибавилось, но деревянные, особенно те, что ближе к детинцу, изменились разительно – старые укреплялись и перестраивались на новый лад, новые строились с выдумкой, во многих можно было разглядеть инженерный расчет. Улицы стали ровнее, а четыре основные, расходящиеся от детинца лучами, оказались замощены по константинопольской методе. Сточные каналы улучшили и укрепили, перекрыв в нескольких местах сверху, как в Риме, грязи в городе поубавилось. Торг обнесли резной аркадой, не имевшей никакой практической цели кроме как прийтствовать глазу. Визуальные красоты действуют на душу умиротворяющим образом. И действительно, в обмене покупателей и торговцев репликами чувствовалось какое-то новое, особое миролюбие. Впрочем, возможно, это всего лишь показалось зодчему. А ограда, несмотря на некоторое несомненное изящество, выкрашена оказалась пестро в несочетающиеся цвета.

Обновили также пристань, устроив в северной ее части подобие пирсов – помостов, поставленных перпендикулярно течению, между которыми могли заходить ладьи. А на окраине, на месте сгоревшего крога, закладывали самый настоящий фундамент – порасспрашивав строителей, зодчий выяснил, что здесь будет стоять каменная церква. Но больше всего порадовала зодчего конструкция, назначения которой он сперва не понял. Незаконченный каркас неподалеку от пристани выдавался частично в реку, вздымаясь над гладью, а внешние его опоры уходили в воду и, очевидно, как-то там прикреплялись ко дну. Не может быть, подумал зодчий. Мост через Волхов? Наведя справки тут же, он убедился, что – да, действительно, вздыбленный каркас являлся первой секцией будущего моста. На противоположной же стороне, дабы мост не зря стоял, строился Новый Торг. Ай да князь, подумал зодчий. Никакой особенной пользы от моста через Волхов нет – город на одном берегу весь стоит. А Новый Торг – и вовсе глупо, чем плох старый? А все-таки приятно. И глазу, и душе. А приятствие – чем не польза? А каменные здания ... Обогрев в этих краях зимой – дров не напасешься. Да и камни тесать – не деревья рубить. А кирпич – обжигать надо. А мрамор здесь не водится.

Отойдя от реки, он пошел прямо в понравившийся ему узкий переулок, напомнивший ему одну из улиц Рима, ведущих к Форуму.

Девчушка лет тринадцати вынырнула неизвестно откуда и, преградив ему путь, сказала скороговоркой —

- Приветствую тебя. Хвелаши желаешь совсем недорого за углом?
- Что такое хвелаши? – удивился зодчий.
- Это когда тебя за хвой одной рукой беру, а сверху...
- Понял, – сказал зодчий. – Не желаю.

- Недорого.
- Не желаю. Родители наличествуют?
- А?
- Родители есть у тебя?
- Есть.
- А ежели я тебя к ним отведу, что они сделают?
- Кому?
- С тобой не сговоришь. И долго ты так хвелашишь?
- Нет. Сегодня я поздно выбралась. Обычно я раньше выбираюсь. Можно, конечно,

и не только хвелаши, но это дороже.

Зодчий поморщился.

- И много ты в день нарабатываешь хвелашием и тем, что дороже?
- Много ты знать хочешь. Пойдем за угол, там видно будет.
- Нет, за угол мы не пойдем. Зачем тебе деньги?
- Ну и пошел в хвиту, – сказала пигалица злобно. – Жадный и старый, так я и знала.
- Я старый? – удивился зодчий.
- А что же! Был бы моложе, говорил бы меньше.

Кто-то высунулся из-за угла и сразу спрятался. Сводник, подумал зодчий. Ну и нравы. Я уж и забыл, как оно здесь. В Риме и Константинополе такие пигалицы на улицах не стоят. Стоят коровы, карьеру заканчивающие. Те, что помоложе, устраиваются в борделло, а таких вот тощих-сопливых берут в дом самые богатые и утонченные. Надо бы дать ей денег. А что это изменит? Деньги она возьмет, но только я уйду, вернется на это самое место и продолжит. Куда только родители смотрят. Впрочем, представляю себе, что у нее за родители.

Он пошел дальше. Вслед ему полетели оскорбления. Старый, надо же. А что же – лет семь назад, когда мне было восемнадцать, подумал он, может и пошел бы с нею за угол. Значит – старый?

Пора, однако, показаться князю, предстать пред очи посадника. Интересно как – на Руси князь сменился, а в Земле Новгородской все тот же. Не метит Ярослав на киевский престол. Прижился в Новгороде. Говорят, женился недавно.

В детинец его не пустили.

– Да мне ж посадника нужно видеть, чего вы, – сказал он ратникам. – По его ж приказу. Я же не с челобитной пришел. Пришел доложить, что выполнил все, что велено было...

– Не ври, – сказал ему ратник. – Посадник наш с такими как ты оборванцами дел не имеет. Посадник Константин – он любит, когда люди в чистое одеты.

– Константин? Какой Константин? Мне нужно видеть князя!

– Князя? А! – сообразил ратник. – Так ежели князя, то тебе не сюда. Не жалует нас князь присутствием. – Ратник почему-то засмеялся, и другие ратники тоже.

– А где же он?

– С лучшим на совещании, – сказал ратник.

Опять засмеялись.

– Но ничего, – продолжал ратник, – вот как прихвостней его вышибем из города, так и с князем поговорим. Эка у тебя, добрый человек, сленгкаппа странная какая. Из Чернигова, небось, к нам пожаловал?

– Из Чернигова, – согласился зодчий.

– И как там у вас, в Чернигове? Девки красивые?

– По-разному.

– Да. А у нас тут в Новгороде много красивых девок. Но нос задирают все. Я тут сватался к одной, и уж почти все было сговорено, да наследство она получила. Какие-то земли. Так сразу

губищи свои скривила, нет, говорит, не хочу я теперь за тебя замуж. Хочу, говорит, за богатого. У вас в Чернигове такого нет, наверное.

– Вроде нет.

– Податься, что ли, в Чернигов? – размышлял ратник вслух. – Эх, доля наша воинская.

Зодчий снова направился к торгу.

У вечевого колокола княжеский бирич ровным, четким голосом выкрикивал междугородные новости и пожелания детинца. Речь бирича отличалась характерной витиеватостью, за которой смысл сообщений угадывался не без усилий. Несколько человек, собравшись вокруг помоста, слушали без особого интереса.

– А по поводу должного соответствия земледельческих стараний и покупательных сил люда городского велено сказать следующее. По причине наступления теплого времени года и в этой связи неучастия в городских делах Верхних Сосен, вменяется не очень зверствовать обменно тем, кто ответственен...

Глупости какие-то, подумал зодчий.

А сколько варангов в городе! В боевом снаряжении. И явное недовольство на лицах. Варангские воины и раньше приходили по приглашению, и всегда это заканчивалось одним и тем же – неприязнью. Когда приходят в город две-три тысячи молодых мужчин, а женщин в городе столько же, сколько и было, то есть всем не хватит, неприязни не избежать.

– Добрый человек, – обратился зодчий к гончару, который, упираясь локтем в гончарный круг, мрачно рассматривал толпу. – Я слышал, что князя Ярослава нет в городе. Не знаешь ли ты, где он?

– А где бы он ни был, – сказал гончар, – толку-то? От дани Киеву нас освободили, да дети-нец стал брать столько же. Приставили к казне какого-то чумового, по три десятины со всех дерет. А князь знай себе в Верхних Соснах развлекается, и дела ему ни до кого нет.

– В Верхних Соснах? Это где же такое место?

– Отвяжись.

– А...

– Отвяжись, тебе говорят.

Зодчий осмотрелся и заметил странную пару – торговца огурцами, мрачного и сурового, и молочницу, улыбчивую и веселую. Стояли они рядом, переругиваясь.

– Ты, Бова, такой медведь, такой медведь, – говорила молочница. – Ты бы помылся сегодня, свежую рубаху надел бы, да и навел бы меня вечером. Чего тебе все дома сидеть, на мышей смотреть.

– Ты, знаешь ли, не рассуждай, – отвечал Бова. – Ты, это, не верещи мне тут под руку. Всех покупателей распугала.

– Покупатель не рыба, от голоса не бежит.

– От твоего побежит.

– Люди добрые, – обратился к ним зодчий. – Не подскажете ли, где это – Верхние Сосны?

Бова презрительно отвернулся. Молочница оглядела зодчего с ног до головы и расплылась в масляной улыбке.

– Подскажу, а только ты мне ответь, чем благодарить меня будешь?

– Ну, как, – зодчий нахмурился. – В пояс поклонюсь.

– И всего-то?

– Мне правда очень нужно в Верхние Сосны.

– Приходи сегодня ко мне. Вечером. Я тебя накормлю, напою, постелю тебе мягко, а завтра сама тебя туда, в Верхние Сосны, отведу. Найдем лодочника...

– Двадцать аржей вдоль реки, на север, – с ненавистью сказал Бова, поворачиваясь к зодчему. – Иди.

– Двадцать аржей? – переспросил зодчий, рукой указывая направление.

– Да. Иди, милый, а то бы не было беды.

Зодчий поклонился Бове и быстро пошел к реке. Оглянулся лишь один раз, и увидел, как Бова распекает молочницу.

Три года назад Ярослав выбрал именно его из дюжины подающих надежды новгородских зодчих. Дал ему двух ратников и кошель с золотыми монетами. И велел ехать на учение.

– Где тебе лучше учиться, ты сам знаешь, – сказал ему князь тогда. – Есть Рим, и есть Константинополь. Через год-два вернешься и будешь строить.

Пожил зодчий и в Риме, и в Константинополе. Прижился, работал помощником одного из известных константинопольских строителей. Но кончились деньги, завершилась любовная история, в которую он впутался случайно, от места ему отказали, и он понял, что пришла пора давать князю отчет.

***

Через сутки после того, как зодчий сошел на новгородский берег, в заводь на правом берегу в двух аржах к югу от торгового вошла резвым ходом ладья. В ладье сидели двенадцать ратников и одна дородная молодая женщина. По инерции ладью вынесло килем на берег. Ратники попрыгали в воду и вытянули судно на прибрежную глину и камни. Даме помогли выбраться. Неспеша вся компания проследовала в Новгород. Пройдя мимо детинца, они направились в Кулачный Конец. Женщина безошибочно определила дом с зеленой входной дверью и постучалась. Когда дверь открыли, она обернулась к ратникам и сделала им знак. Ратники коротко поклонились и отправились в ближайший крог. Ближе к вечеру они вернулись к ладье. Больше их в городе не видели.

Глава пятая. Порученец

Император Хайнрих Второй в быту вел себя прямолинейно, одевался неярко, ел пищу самую простую, и внешнему блеску, когда дело касалось его персоны, был чужд. Еще не старый, сорокатрехлетний, но уже лишенный идеализма, суровый практик, нрав император имел ровный, спокойный, и если срывался и повышал голос, как нынче в деревушке с небольшой крепостью и гордым названием Лейпциг, то исключительно потому, что всякий прагматизм правителя и связанные с ним спокойствие и трезвость суждений имеют предел, в то время как тупость и лень сподвижников бесконечны. Так и сегодня. Хайнрих собрал военачальников своих в одной из гостиных помещений крепости и устроил им разнос.

– Как! – кричал Хайнрих, стоя у стола и опираясь на него крепкими кулаками, – вы решили, что поскольку на востоке у нас перемирие, так можно про юг вообще забыть? Вы дали побежденному уже войску норманнов передышку в целых два месяца! Этого достаточно для того, чтобы переправить всех норманнов, а заодно и норвежцев со шведами, в Италию! И теперь вы, свиньи, бездельники, удивляетесь – чего это они дают нам отпор! А с востоком что же? Да, поляки заключили с нами мир. Болеслав спутался с какой-то бабой и торчит в Киеве. Но вы забыли о литовцах! Вы что, хотите, чтобы жалкие литовцы победили Империю, пока вы животы толстые поглаживаете? Да я вам всем башки ваши кубические поотрываю! Позор, позор! Что скажем? А?

Абсолютная, вселенская тишина установилась в помещении. Полководцы боялись пошевелить бровью – им казалось, что даже такое незначительное телодвижение произведет в этой давящей, зловещей тишине шум и привлечет внимание Императора. Они старались не дышать. Они не смотрели по сторонам, а только прямо перед собой. Император, презрительно кривя баварские губы, ждал. Пауза растягивалась и становилась все страшнее. И в этот момент кто-то коротко но раскатисто пернул. Очевидно, сказалось напряжение.

Император закрыл глаза и поднял брови. Наверняка случилось бы страшное, непоправимое, последовал бы жестокий приказ, но именно в этот момент в дверь постучали.

– Кто смеет! – крикнул Император.

– Срочный курьер из Новгорода! – сказал слуга за дверью.

Император сел на скаммель, подпер кулаком голову, и вдруг рассмеялся. Воеводы переглянулись и тоже начали смеяться, сперва робко, потом громче. Вскоре все они хохотали – просветленные, вздохнувшие с облегчением. Кто-то утирал слезы, вызванные хохотом.

– Пусть войдет! – крикнул Император, отсмеявшись.

Дверь отворилась и в помещение вошел очень молодой человек в голубом новгородского покроя плаще. Сапоги на ногах человека были в пыли, цвет портов невозможно было определить из-за налипшей на них грязи, рубаха тоже грязная, но светлые прямые волосы аккуратно расчесаны были на прямой пробор и схвачены голубой, в цвет плаща, лентой. Левая рука в грубой перчатке покоилась на поммеле походного сверда, а правая держала свиток. Обведя взглядом компанию, человек безошибочно определил Императора, с достоинством поклонился ему, и протянул свиток правителю. Хайнрих поднялся, приблизился, взял свиток и изучающе посмотрел в большие серые глаза посланца.

– Сколько с тобою людей? – спросил он.

– Не понимаю, – сказал человек по-латыни.

Хайнрих повторил вопрос на этом языке.

– Людей нет, – сказал человек. – Я один.

– Они остались лежать там? – спросил Хайнрих, делая жест.

– Нет. Со мной никого не было с самого начала.

– Ты приехал один?

– Да.

– Невозможно.

– Почему?

– Там литовцы ... поляки ... много разных. Разбойники, например. Ты говоришь, что приехал от Новгорода сюда, без сопровождающих?

Человек пожал плечами.

– Невероятно, – сказал Хайнрих. – Я тебе не верю.

– Это твое право, Император.

– Ты очень молод.

– И ... – человек хотел добавить «сметлив», но не знал, как это по-латыни. – Умен.

– Возможно, – согласился Император. – Ты служишь Ярославу?

– Я служу самому себе. Ярославу я оказываю услуги.

Хайнрих, недоверчиво поглядывая на посла, сломал печать и развернул свиток. Пробравшись к нему, он посветлел лицом.

– Пойдем мы ... в следующую дверь, – подобрал он латинское словосочетание. – А вы здесь сидите все, дармоеды, – добавил он по-немецки.

В соседней комнате тоже наличествовал стол, и на нем лежала карта. Хайнрих быстро к ней приблизился и сверился с чем-то.

– Все так, – сказал он. – Это весьма апропо. Это дает нам передышку.

– Ярослав просит ответ, – сказал человек.

– И ты ему доставишь этот ответ?

– Да.

– Поедешь прямо сейчас?

– Да.

– Не отдохнув? Сколько времени у тебя займет доехать до Новгорода?

– Неделю.

– Невозможно. Я дам тебе двадцать человек и месяц сроку, езжайте обходным путем.

– Нет.

– Отказываешься? Почему же?

– Еще неделю в седле я, может, и выдержу. Но двадцать дней – нет. И так арсель весь синий уже.

– Тебя убьют.

– Вряд ли.

– Ты знаешь литовское наречие?

– Нет.

– Польское?

– Нет.

– Не понимаю. То, что ты сюда доехал – чудо. Но чудо два раза не повторяется.

– Это не чудо.

– Как тебя зовут?

– Не скажу.

Император ухмыльнулся. Письмо писал Ярослав – почерк новгородского князя Хайнрих знал хорошо, сомнений не было. Этот человек – не спьен. Это все, что требовалось знать. Император схватил перо и чистую хартию и что-то быстро написал, оглянувшись два раза на посланца. Запечатав и приложив перстень, он протянул свиток странному молодому человеку.

– Неделю, говоришь?

– А?

Император повторил вопрос по-латыни.

- Да, – ответил посланец.
  - Что ж. Езжай. И да будет с тобою Создатель.
- Посланец поклонился и вышел.

Глава шестая. Единоборства

Три тысячи варангов расположились на постой в Новгороде, разошлись по городским домам. После спешного крещения Ингегерд в греческий вариант христианства с принятием имени Ирина, и после не менее спешного венчания, молодожены избрали селение Верхние Сосны, в двадцати аржах на север от Новгорода, для проведения медового месяца, и отбыли туда, отобрав для охраны своих персон сотню варангов и сотню новгородских ратников. Но кончился медовый месяц, а затем и второй месяц, после медового, а Ярослав все не спешил возвращаться в столицу Земли Новгородской, бывая там наездами, всегда с многочисленной охраной. Помимо моста и утверждения Явана в должности казначея, никакой активности в градоуправлении Ярослав не проявлял. Житник не имел ничего против моста, а Яван не предпринимал ничего, что могло бы даже отдаленно интерпретировано как подрыв власти посадника. В казне появились деньги, доходы увеличились. Житник так же, как раньше, имел доступ к городским фондам. Правда, Яван учредил строгий учет всем выдаваемым суммам, но Житник и с этим был согласен, и даже похвалил Явана. Яван время от времени ездил в Верхние Сосны, но приставленный к нему спьен докладывал, что в разговорах с Ярославом Яван, вопреки всем ожиданиям, хвалит правление Житника, и хвалит искренне. Житник по-прежнему руководил городским правосудием, издавал указы, делал поблажки нравящимся ему купцам, реорганизовывал стражу в детинце, переписывался с окрестными боярами – словом, властвовал. И казался безмятежным.

– Князь боится посадника, – говорила, понимающе кивая, старая Довеса мужу своему, ремесленнику Осмолу.

– Ты не ори так! – строго отвечал он, оглядываясь. Ты ... эта ... не ори. Вот. Да. И ничего он не боится.

– Нет, боится.

– Дура ты, – отвечал Осмол, снова оглядываясь. – Дура непрозорливая, ничего не понимаешь, дальше своего носа свинячьего не видишь. Это посадник боится Ярослава. Константин.

Разговоры поселян мало волновали Житника. Но к концу третьего месяца, если считать с момента венчания, странные сведения из Верхних Сосен заинтересовали его не на шутку.

Говорили, что в Верхних Соснах строятся новые дома (еще не сошли морозы). Что там веселье. Что князь устраивает через день званые обеды. Что младшие отпрыски боярских семей постоянно там, в Верхних Соснах, околачиваются. Что Ярослав устроил себе настоящий двор. Прямо новый Камелот выстроил! А меж тем на тихой волне Волхова, совсем рядом со всем этим веселием, ждут, покачиваясь, ладьи, готовые в случае чего распахнуть паруса и мчатся к Ладоге.

Житнику стало любопытно, и как-то рано утром он в одиночку предпринял путешествие на север. Прибыв в Верхние Сосны к полудню, он обнаружил, что сведения верны. Действительно, веселие в селении стояло невероятное. Житник провел в Верхних Соснах весь день, заходил в хоромы, во дворы, в зверинец (куда из Новгорода перевезли живого ровдира, подаренного Ярославу королем Франции Робером Вторым два года назад и доставленного Жискаром в клетке – существование ровдира скрывалось от населения во избежание суеверных слухов, а в Верхних Соснах знать, особенно из молодых, приходила полюбоваться на мощного гривастого зверя и послушать его глубокий, рокочущий рык) и отбыл обратно в детинец, удостоверившись, что уровень веселья в селении начисто исключает возможность составления заговора.

Огромное прямоугольное помещение, сооруженное на скорую руку специально для пиров, плясок и посиделок, Ингегерд, ныне Ирина, окрестила Валхаллой. Ярославу понравилось. Название закрепилось за помещением.

За полгода жизни в Верхних Соснах новообращенная княгиня выучилась бойко лопотать по-славянски и расположила к себе все местное население, шляясь без толку по улицам, заговаривая со всеми встречными, перемещая пузо – была она основательно беременна и ждала появления первенца в начале осени. Ярослав души не чаял в своей жене, и оказалось, что она тоже его любит. Молодожены много времени проводили вместе. У них появились свои странные шутки, своеобразный юмор, понятный лишь им двоим.

Все это Житник оценил и решил, что пока князь развлекается, опасаться нечего. История знает многих правителей, перепоручивших дела более расторопным и способным людям, чем они сами, и предавшихся веселию. Он, правда, отметил прибытие в Валхаллу Явана, но разговор казначая с Ярославом завязался вовсе не деловой, но веселый – обменивались шутками и хохотали. И Житник поверил. И даже сам поучаствовал в веселье, пофлиртовал с какими-то полупьяными, развязно-красивыми женщинами, и поэтому не заметил, как Ярослав, взяв Явана за рукав, отвел его в дальний угол помещения, не переставая, правда, смеяться.

– Не знаю, кто поставляет людям Свистуна сведения, – сказал Яван, улыбаясь. – Они совершенно точно знали, в какое время обоз проследует по хувудвагу.

– Кому-то платят, это точно, – заметил Ярослав. – Негодники. Сколько там было?

– Дань Дроздова Поля за полгода.

– Много. Жалко. Люди не пострадали?

– И даже дань не пострадала. Обозу оказали помощь. Очевидно, это получилось случайно. Какой-то молодец налетел на разбойников с тыла, с тремя товарищами, и разогнал всех. Впрочем, нет, не всех. Кто-то остался там лежать. Надо бы поехать, посмотреть, что к чему.

– Поезжай. Но будь осторожнее. Имя свое молодец не назвал?

– Нет. Обозники прибежали ко мне в очень возбужденном виде. Если бы и назвал – не запомнили бы.

– Погоди, – сказал Ярослав. – Вон к нам идет...

Холоп приблизился, поклонился, и обратился к князю.

– Посланец из германских земель, – сказал он. – Только что прибыл. Ждет тебя в гриднице, князь.

Ярослав кивнул.

– Возможно, – сказал он, – сейчас мы узнаем имя спасителя дани. Побудь здесь пока что.

И вышел. Яван подумал, что если посол и сокрушитель разбойников – одно и то же лицо, то хвала ему.

Тем временем три тысячи варангов в Новгороде бездействовали и скучали. Им платили, их кормили, но этого было мало. Поэтому, во избежание неприятностей, было решено раз в неделю устраивать состязания, чтобы развлечь вояк, да и самих новгородцев тоже. По весне в одной арже от южной окраины срыли два холма, огородили территорию плетнем, поставили деревянные подмости по периметру, установили плату за вход для пришедших посмотреть. Варанги и новгородские ратники метали копья и топоры, устраивали кулачные бои на выбывание, сражались затупленными свердами в единоборствах до трех касаний.

На одно из таких зрелищ пришла посмотреть осмелевшая Любава. Как любой другой женщине, ей нравилось наблюдать, как мужчины сражаются понарошку.

Состязания начинались в полдень и продолжались до заката. Лотки с провиантом базировались вокруг поля, за подмостками, и за право торговать съестным нужно было платить пошлину. Чем дольше существовал импровизированный этот стадион, тем больше прибыли приносил он в казну. Оказалось, что у населения на руках, несмотря на жалобы, есть лишние деньги, и судя по частоте посещений места – деньги немалые. Стихийно распределились цены – первые ряды стоили дороже задних рядов, их занимала знать.

Раскланиваясь со знакомыми, Любава присела на скаммель в первом ряду и стала смотреть. Соревновались копьёметатели – нужно было метнуть копьё так, чтобы оно прошло сквозь

десять подвешенных колец, ни одно из них не задев. Победителем вышел варанг, проделавший это трижды.

Любаву кто-то окликнул. Посмотрев по сторонам, она увидела давнишнюю свою подругу – Белянку, небольшого роста, полную молодую женщину, жену какого-то новгородского вельможи. Белянка весело махала ей рукой. Любава поднялась и пошла ей навстречу.

Обнялись. Белянка сияла улыбкой, смеялась мелодично, и приговаривала, «Пойдем, пойдем».

Она подвела Любаву к представительного вида мужчине среднего возраста.

– Вот, это мой муж, болярин Викула. А это Любава.

Муж не поднялся со скаммея, а только прищурился на Любаву, насупился, и коротко кивнул. Белянка пожала плечами и потащила Любаву дальше, за периметр, к лоткам.

– Нам надо обязательно чего-нибудь сейчас выпить, прохладительного, – восторженно объяснила она. – Представляешь, здесь придумали мешать свир с киселем, получается очень вкусно! Вот! Эй, добрый человек, налей двум жаждущим женщинам гадости, налей! Во, Любава, держи! Так! За женское счастье!

Выпили за женское счастье. Белянка, на полголовы ниже Любавы, руководила, все тащила ее куда-то, то присаживалась на ховлебенк возле лотка, то вдруг предлагала прямо здесь пообедать. После второй кружки свира с киселем Любава окончательно расслабилась и кое-что Белянке рассказала. И уже почти пожалела, что рассказала, но Белянка так естественно, так искренне ей сочувствовала, что Любава подумала – почему нет, бывают же на свете вполне добрые женщины. А что Белянка кому-то что-то расскажет – пусть. Во-первых, и так все знают, во-вторых, в Новгороде сплетничают все обо всех, в третьих – пусть по крайней мере знают правду. Рассказала и про ревность мужа, и про бывшего ухажера-варанга, и про то, как муж собрался в путешествие. И про смутные воспоминания о пиратах, о ... трюме ... о палубе ... о спасении ... о купцах ... о возвращении, о брате ее Нещуке, и даже о Детине – вполне откровенно. Только про Житника не стала рассказывать Любава. Белянка слушала, широко открыв серые глаза, несколько раз всплакнула, и все обнимала Любаву, целовала ее в щеки, гладила по волосам, приглашала к себе.

– Когда хочешь приходи, когда хочешь. Хоть сегодня. Хочешь – сейчас поедем.

– Неудобно сейчас как-то.

– Тогда приезжай завтра днем. Это недалеко – не доезжая трех аржей до Верхних Сосен. Земля Викулы – все возницы знают. Найми себе повозку, я заплачу.

– Зачем, – удивилась Любава. – Деньги у меня есть.

– А этот ... Детин ... он как с тобой?...

– Он очень хороший, – сказала Любава. – Ласковый. Добрый. Иногда смешной.

– Это его подарок?

– Да. То есть, нет. Я попросила его купить, он и купил.

Перстень, купленный Любаве Детинем, стоил всего имения Викулы. Любава об этом не знала. Зато это сразу поняла Белянка – и не позавидовала, а только восхитилась перстнем.

– Какая прелесть! Что за отделка? Не из наших краев явно. Киев? Константинополь?

– Детин сказал, что венецианский.

– Дай примерить!

Любава сняла перстень. Белянка тут же его напялила на безымянный палец и стала вертеть рукой так и сяк, то поднимая, то опуская, то шурясь на солнце, то отставляя руку и выгибая запястье.

– Прелестный!

Сняв перстень, она вернула его Любаве.

– Ой, а серьги какие!

– Серьги мне не очень нравятся, – сообщила Любава. – Серьги он сам мне купил. Какие-то они слишком крикливые. У него совсем нет вкуса, и это даже забавно. Я его всему учу, а он слушает очень внимательно. Запоминает.

– И дом тебе купил?

– И дом, и служанку, и повара.

– А он тебе нравится?

Любава наклонилась к уху Беянки, хотя никто не подслушивал, и тихо сказала, —

– Очень.

– Да?

Любава кивнула.

– Но это же просто замечательно! – воскликнула Беянка. – Я за тебя ужасно рада, Любава, ужасно! А если и говорят что про вас, так ты не слушай.

– А никто ничего и не говорит, – заметила Любава. – Пытались говорить, но быстро перестали. У Дитина достаточно денег, чтобы о его содержанке говорили только почтительно.

– Но ведь ты не содержанка!

– Видишь ли, Беянка, когда женщина проходит через то, через что прошла я, многое становится понятнее, и многие слова приобретают совершенно новый смысл. Ничего обидного в слове содержанка нет. Большинство мужей так или иначе содержат своих жен.

– Это истинная правда! – горячо согласилась Беянка.

Кулачный турнир на выбывание занял около двух часов. Наличествовал арбитр, и ему пришлось много работать – почти все проигравшие, сбитые с ног, оспаривали победу, уверяя, что победитель применял нечестные приемы.

В состязании свердомахателей приняли участие тридцать человек, тоже на выбывание. В толпе зрителей делали ставки, болели, смеялись, ругались, иногда дрались. Победитель, большого роста молодой варанг, снял шлем, поклонился почтенной публике, и вдруг сказал —

– А теперь я бросаю вызов любому, кто хочет со мною подраться, работая настоящим свердом, а не игрушкой. Есть ли желающие? До первой крови.

Желающие не находились. Победитель дразнил толпу. Но они все равно не находились. Прошла минута, другая. Вдруг из второго ряда выделился долговязый парень с повязкой, закрывающей нижнюю часть лица. Держа сверд в ножнах за прикрытое кожей лезвие, посередине, он перепрыгнул плетень и пошел диагонально по полю к победителю.

– Желаешь? – спросил победитель зычно.

Парень кивнул. Одет он был в соответствии с новгородской модой того года – короткая сленгкаппа, рубаха в нарочитых складках, сапоги рыжие, легкая полудекоративная шапка без околыша. Он вытащил сверд из ножен, поклонился противнику, и принял выжидательную позу.

– Как зовут тебя? – спросил победитель. – Меня зовут Тор.

– Не имеет значения, – ответил вызвавшийся. – Ты готов, Тор?

– Готов.

– И я готов, но я бы не хотел драться просто так. Победивший должен получить награду. Чемпион подумал, решил, что это справедливо, и снял с шеи амулет.

– Вот, – сказал он. – Победишь меня – твой будет.

Вызвавший усмехнулся одними глазами и кивнул. Победителю принесли его боевой клинок.

Что-то знакомое было в осанке и походке вызвавшего. Любава приглядывалась, но не могла вспомнить, кто он такой. Кто-то из прошлой жизни. Кто-то, кого она хорошо знала.

Противники встали в позицию. Некоторое время сверды перемещались из стороны в сторону и снизу вверх, не соприкасаясь. Вскоре чемпион сделал пробный выпад и промахнулся, но вызвавший не воспользовался оплошностью. Некоторые в толпе поняли – намеренно. Еще

один выпад. Клинки скрестились со звоном, с лязгом, чемпион пошел в решительную атаку, но почему-то в нужный момент вызвавший каждый раз оказывался где-то сбоку, а не перед ним. Чемпион начал злиться и рубить наотмашь, делая одну ошибку за другой, и всякий раз противник только парировал удар, отскакивал в сторону, делал обманное движение. Вскоре большая часть зрителей поняла, что он просто играет с чемпионом, и восторженно загудела. Еще удар, и снова противник сбоку. Еще удар, и противник проходит под локтем чемпиона и оказывается чуть ли не за спиной его. Униженный чемпион сорвал с себя шлем, зычно крикнул, и яростно атаковал противника. Противник парировал удар, увернулся от второго, и, улучив момент, шлепнул чемпиона ладонью по открытому лбу. Толпа зрителей захохотала. Чемпион зарычал и закричал нечленораздельно, и бросился в атаку снова, и на этот раз противник выбил сверд у него из руки, ударил поммелем чемпиона в живот и, когда тот согнулся, ногой опрокинул его на спину и приставил лезвие к горлу побежденного.

Тяжело поднявшись, посрамленный побежденный стащил с шеи амулет и протянул незнакомцу, нижнюю часть лица которого все еще закрывала повязка. Незнакомец принял приз, поклонился побежденному, и зашагал – не к выходу, но к изгороди, к первому ряду. Безошибочно определив Любаву, он зацепил клинком амулетную цепь и протянул ей приз через изгородь – на конце сверда. Любава, растерявшись, переводила взгляд с глаз победителя на амулет, но в конце концов сняла цепочку с острого лезвия. Победитель поклонился ей и подмигнул – как показалось ей, грустно. И тогда она вспомнила, кто это. Она хотела обратиться к нему, задержать, заговорить, но он поднял руку, призывая ее к молчанию, еще раз поклонился, и зашагал – на этот раз к выходу.

***

Вечер был неурочный, Детин должен был придти только завтра, и Любава решила провести время за чтением какого-нибудь фолианта, благо их у нее теперь имелось целых восемь грунок. Служанка и повар ушли – первая спать, второй в город. Поэтому, когда в дверь постучали, открывать пришлось самой Любаве.

Она спустилась вниз, поправляя поневу и волосы.

– Кто там?

– Это я, – раздался за дверью знакомый баритон.

Любава отодвинула засов. Войдя, Рагнвальд подождал, пока она запрет дверь, и только после этого снял с лица повязку.

– Возможно, я не должен был приходить к тебе, – сказал он мрачно. – Возможно за мной следят. Не знаю.

– Ты в немилости? – спросила Любава, кивком приглашая его пройти в гостиную.

– Пожалуй, что так. Но мне необходимо знать, что здесь происходит, и, увидев тебя давеча на состязаниях, я понял, что именно ты можешь мне об этом рассказать без всякой выгоды.

– А дом этот ты как нашел?

– А я следил, куда ты шла.

Любаве это не очень понравилось. Но, в конце концов, это ведь Рагнвальд. Ну, следил и следил. Мог бы просто спросить, но, может быть, было не с руки.

– Пить, есть хочешь?

– Нет. Не до того. Где князь? Почему его не было на состязаниях?

– Его нет в Новгороде. Он в Верхних Соснах.

– Что он там делает?

– Живет.

– С молодой женой.

– Да. Неужели ты до сих пор ее не забыл? Не виделись больше года.

– Это не так.

– Между вами ничего не было?

Рагнвальд улыбнулся грустно и молча взглянул на Любаву.

– Было? – спросила она.

Он кивнул и перестал улыбаться.

– Меня давно не было в городе, – сказала она. – Я нынче вдова и содержанка.

– Листья шуршащие! – сказал Рагнвальд. – Это как же? Что случилось с мужем твоим?

В двух словах она поведала ему о своих недавних злоключениях.

– А потом меня приютил хозяин этого дома.

– Приютил? Вот оно что. Вояка какой-нибудь престарелый? До чего ж люди ... все-таки ... Хм.

– Нет. Купец.

– Купец? Ну, знаешь ... Тебе нужно было обратиться ко мне.

– Да, – сказала она. – Вот только ты, когда мы последний раз виделись, не сказал, где ты будешь меня ждать. Чтобы к тебе обратиться можно было.

Рагнвальд присел на ховлебенк, тяжело вздохнул, и сказал, глядя в сторону, —

– Ну, прости. Хочешь, я тебя куда-нибудь увезу прямо сейчас? Только...

– Только?...

Он посмотрел на нее затравлено. Она и сама все понимала прекрасно.

– Все мое состояние, все мои земли к твоим услугам, – сказал он. – И сколько угодно ратников.

– Со мною все в порядке, – заверила его Любава. – Мне нынче весьма привольно живется.

Мне никогда раньше так привольно не жилось.

– Ты серьезно?

– Да. Не мучайся ты так. Ты мне ничем не обязан. Что у тебя на душе, Рагнвальд, выкладывай.

Он поерзал, встал, прошелся по комнате, и снова присел на ховлебенк.

– Не могу я больше, вот что. Дай мне слово, что никто не узнает о том, что я тебе сейчас скажу.

– Вот уж мило! – ответила Любава. – Милее не придумаешь. Нет уж.

– Почему?

– Тайны раскрываются иногда так внезапно. Кто-то что-то подслушает где-нибудь, или кто-то кому-то скажет в нетрезвом виде, а виноват всегда тот, с кого взяли слово.

– Но мне нужно тебе сказать!

– Говори просто так, без клятв. У меня нет привычки посвящать посторонних в тайны, которые мне не принадлежат. Но всякое может быть. Вдруг я напьюсь и выболтаю что-то, или схватят меня и начнут пытать, а может кто-то еще, посвященный в твою тайну, откроет ее всей округе, а ты подумаешь на меня.

Рагнвальд еще раз вздохнул. Лицо его осунулось, глубоко посаженные и одновременно выпуклые глаза застыли, глядя в одну точку.

– Хорошо, – сказал он. – Завтра будет все равно в любом случае. То есть, не совсем все равно, но большой важности ... Э...

– Да говори уж.

– Ингегерд в Верхних Соснах, не так ли.

– Так.

– Я туда поеду. Ярислиф ... Ярослав ... предупредил меня, чтобы я не смел показываться ему на глаза.

– Но ты все равно поедешь.

– И постараюсь не показываться ему на глаза. Я попытаюсь выкрасть Ингегерд. Уже почти все готово, все приготовления ... э ... произведены.

Любава присела напротив.

– Так, – сказала она.

– Завтра я зайду к тебе опять.

– Только не завтра.

– Почему?

– Завтра здесь будет Детин.

– Выпроводить нельзя?

Любава закатила глаза. Люди, заикленные на себе, бывают иногда так непонятливы.

– Хорошо, – сказал он. – Послезавтра. Я оставлю у тебя кое-какие хартии. Грамоты. Если у меня получится, я пришлю за ними гонца. Если нет – воспользуйся ими, когда и как тебе будет угодно. Также, я оставлю тебе дарственную на все мои владения. Правда, тебе придется, в случае провала моего плана и моей возможной гибели...

– Гибели?...

– Не перебивай. Придется тебе спорить с некой не очень приятной особой. Она ... в общем, мы с нею ... муж и жена.

– Ты женат?

– Это несерьезно, и это не имеет значения. Это был деловой брак. Вот, в общем, и все.

Согласна?

– Зачем ты принял участие в состязаниях? Ты привлек к себе внимание.

– Мне показалось, что среди зрителей была Ингегерд. Но я ошибся.

– Ты безумен, Рагнвальд.

– Это верно. Согласна ли ты, Любава?

– Я подумаю.

– Некогда думать. Послезавтра, ближе к вечеру, я к тебе приду. Жди.

– Ты впутываешь меня в темное дело.

– Не темнее, чем некоторые прошлые наши с тобою дела.

– Не хочу.

– Я все равно приду.

Рагнвальд поднялся – длинный, бледный, зловещий. Поправив сверд и сленгкаппу, он наклонился, поцеловал Любаву в щеку, резко выпрямился и быстро зашагал к двери. Любава смотрела ему вслед, борясь с нехорошими предчувствиями.

Глава седьмая. События на улице Толстых Прях

Следующим вечером Детин явился к Любаве поздно и в плохом настроении. Служанка подала ему вино и пегалины и ушла спать. Любава села, как он любил, напротив, подперла подбородок ладонью, и посмотрела ясными глазами. Детин пригубил вино, отодвинул кубок, к пегалинам не притронулся.

– Я не против визитов, – сказал он. – Как я уж тебе говорил, ты можешь принимать у себя, кого хочешь и когда хочешь, кроме вечеров, принадлежащих мне. И все же.

Что именно ему известно, подумала она. Стоит ли отпираться и отрицать? Или, может, следует частично что-нибудь признать, а там видно будет?

– Он бывший твой любовник, не так ли?

Оказалось, известно ему многое.

– Да.

– Он приехал в Новгород специально, чтобы увидеться с тобой?

– Нет.

– Не лги.

– Я не лгу. Он попросил меня о помощи.

– Какой именно?

– Не имею права говорить. Это не моя тайна.

– Какие еще тайны! Он вернется?

– Возможно.

– Нет.

– Что – нет?

– Я поставлю охрану. Его схватят и все ему объяснят.

– Ты этого не сделаешь, – сказала Любава, выпрямляясь. – Как ты смеешь! Тебе захотелось меня унижить?

– Ты унизила меня.

– Чем же?

– Ты приняла здесь своего бывшего любовника.

– Вон лежит дощечка, – сказала она.

– И что же?

– Напиши список. Перечисли всех людей, приход которых сюда тебя унижит. Повесим на двери.

Она встала и быстро пошла к лестнице. Детин последовал за ней.

– Не смей поворачиваться ко мне спиной! – крикнул он. – Ты забыла, кто я, и кто ты!

Она круто обернулась.

– Ах вот оно что! – сказала она, глядя на него с лестницы, сверху вниз. – Что ж. Я содержанка. Ты хозяин. Почему бы тебе меня не выпороть в присутствии служанки? А то – выставь меня на улицу!

– Я не это имел в виду.

– Холопский сын!

– Что?!

– Дрянь!

Детин побелел от ярости.

– Ах так! – сказал он. – Хорошо! Ты сама напросилась! Сейчас я тебя выпорю. Иди в спальню!

– Подлец!

Он кинулся к ней, и она побежала – вверх по лестнице, в спальню, к окну. Он схватил ее за руку, развернул к себе, и с размаху хлопнул ей ладонью по щеке. Она вскрикнула, и он швырнул ее на кровать.

– Вот как ты мне платишь! – крикнул он.

– Мразь холопская! – крикнула она. – Соглядатаев наставил кругом, да?!

Она попыталась подняться, но он снова швырнул ее на кровать, а был он мужчина очень сильный. Щеку и запястье саднила жгучая боль.

– Да, наставил! И не зря, как теперь вижу!

– Холоп!

– Дрянь! Уличная продажная девка!

Он схватил ее за плечи и тряхнул. Она зажмурилась, ожидая пощечины. Но пощечины не было. Он продолжал ее держать. Приоткрыв глаза, она увидела, что он смотрит на нее – яростно и в тоже время безнадежно. Он отпустил ее и сел на пол рядом с кроватью. Любава вскочила, кинулась было вон из спальни, и тут только сообразила, что он плачет. Удивленная застыла она на пороге. Потерла щеку.

– Детин? – позвала она. – Детин. Ты чего. Ты...

Она приблизилась к нему, села рядом на корточки. Детин вытер кулаком глаза и злобно на нее посмотрел. Впрочем, злоба тут же пропала.

– Прости, – сказал он мрачно. – Ударь меня чем-нибудь. Вон скаммель возьми и долбани меня по башке. Вон стоит. Скаммель.

Она положила руку ему на плечо, но он дернулся, отодвинулся, отвернулся.

– Я недостойн тебя, – сказал он, вытирая щеку и глаз плечом и предплечьем.

– Не болтай, – сказала она растерянно.

– Нельзя пользоваться несчастьем человека, – сказал он. – Нельзя. А я воспользовался.

– Все нет, – сказала она.

Некоторое время Детин молчал. Любава ждала все спокойнее. Ранее он казался ей монолитом, глыбой, стеной, а теперь вот проявил слабость. Захотелось его приласкать, погладить по голове, поцеловать в губы первой.

– Только сделай так, – сказал он, – чтобы мы с ним не встречались.

– Я, вроде бы, так и делала, – сказала она.

– Да, ты права. Ты совершенно права.

В эту ночь он был очень податлив, очень нежен. Любава подумала даже, что не помнила, когда ей было так хорошо с мужчиной. Но ничего ему не сказала.

***

Утром Детин проснулся раньше Любавы, быстро и тихо оделся, и вышел.

Смутное беспокойство овладело ею, как только она открыла глаза. Стараясь вспомнить причину беспокойства, Любава спустилась в гридницу, позвала служанку и велела подавать завтрак. И вспомнила.

Несмотря на обещание, данное ей Детином, Любава не находила себе места весь день. Хорошо бы было, думала она в полдень, если бы Рагнвальд прислал бы ей кого-нибудь с дощечкой, уведомляя о спешном своем отъезде. Дался он ей со своими тайнами и порочной любовью к двоюродной сестре! Все было тихо и мирно, жизнь начала уж было снова розоветь, и на тебе. Беспокойный народ эти мужчины.

А время текло все медленнее. Любава и во двор выходила, и баню велела служанке натопить, а уж вин перепробовала – без счету, а день только-только начинал тускнеть, солнце медленно клонилось к закату и казалось, что клониться оно будет без малого вечно. Скорей бы уж, думала Любава, отчаиваясь. Только бы не вернулся Детин. Только бы не поддался слабо-

сти и не решился бы на подглядывание. Ничего особенного – деловой разговор. Она постарается отговорить Рагнвальда от безумного плана. Пришел бы, отдал бы хартии свои дурацкие, и катился бы себе. Себялюбец. Нахал.

Она пыталась дремать, пить охлажденный бодрящий сбитень, хотела вызвать служанку на хамство и еще раз ее отметелить, но ничего не получалось. Пыталась читать Теренция, но по первым же строфам легендарного поэта ей стало понятно, что к нему-то Рагнвальд никогда не приходил отдать письма на хранение, и посему ничего дельного он, Теренций, сказать ей по этому поводу не может. Стали чесаться живот и икры. Неплохо было бы велеть еще раз натопить баню. Но тогда можно пропустить приход Рагнвальда, а служанка будет с ним болтать и наговорит ему разного. И про сцену с Детином тоже. Ну ее.

Когда стемнело, служанка ушла по обыкновению спать, а повар, тоже по обыкновению, ушел в город. Отсыпался он по утрам, а ночь проводил, очевидно, шатаясь по хорловым теремам и другим неприятным честной женщине заведениям.

Время ташилось, застывало, делало частые перерывы, и они становились все длиннее. Любава решила про себя, что ждет только до полуночи, а в полночь пойдет спать, и пусть Рагнвальд лопнет, и пусть несет свои писульки еще кому-нибудь, и пошел бы он в хвиту! А если он еще раз заявится, то она пригрозит, что расскажет Детину о его, Рагнвальда, несурзных преступных планах, а тот донесет до сведения Ярослава, кто и зачем собирается похитить у него жену. Свиныя. Женокрад.

На какое-то время она впала в апатию и, сидя верхом на ховлебенке, думала, что ей все равно, пусть крадет кого хочет, она не будет его отговаривать, и пусть он провалится. Выйдя из апатии, она ужаснулась своим мыслям. Как же так! Ведь пропадет человек ни за что. Ведь он не чужой ей. Как можно! Пройдя в спальню, она хотела было помолиться, вспомнив, что именно так и нужно было поступить с самого начала, но ее отвлекли крики на улице. Окрики. Приказания. Подойдя к окну, Любава осторожно отворила ставню и выглянула.

Двое ратников с факелами склонились над телом. К ним приблизился третий. Предчувствуя неладное, не желая ни о чем думать, Любава заспешила вниз, отодвинула засовы, и выскочила на улицу.

Рагнвальда успели перевернуть на спину и теперь внимательно осматривали и обыскивали.

– Эй! – крикнула Любава.

– Тише, – сказал один ратник. – Не кричи. Тут у тебя под окном человека убили, а ты кричишь. Что теперь кричать. Кричать раньше надо было.

Где-то распахнулась ставня, и где-то еще скрипнула дверь. Люди стали выходить из домов.

– А, хорла, народ подтягивается, – сказал ратник. – Что делать будем?

– Надо доложить тысяцнику, – сказал второй.

– Надо ли?

– Да ведь дело-то какое. Строго-настрога сказано было новгородцам не задирать варангов. А варангам – быть учтивыми. И вот, пожалуйста. А нам выйдет нагоняй. Не уследили.

– Как это произошло? – спросила Любава срывающимся голосом. Она присела на корточки рядом с телом.

Лицо Рагнвальда исказилось в предсмертной вспышке гнева, глаза широко распахнуты, стеклянны, губы приоткрылись, рыжеватая борода в уличной грязи – упал он, судя по всему, на живот и на лицо.

– Да кто ж его знает, – начал было ратник, но второй ткнул его локтем.

– Не знаем мы, – отрезал он. – Были в дозоре. Смотрим – лежит.

– Где его сума? – спросила Любава.

– Не было с ним сумы.

Она резко подняла голову и посмотрела ратнику в глаза.

– Не было суммы, говорю тебе! Ведь правда, ребята?

– Закройте ему глаза, – сказала Любава, вставая и дрожа всем телом. – Изверги. Дрянь. Глаза ему закройте!

– Кто это его так? – с интересом спросил житель соседнего дома.

– Не было бы беды, – высказала мысль соседка. – Шведы подлые теперь окрысятся. Давеча подрался один с Кулачного Конца, со шведом, отходил его, за то, что он к его жене приставал, так с него аспиды посадниковы виру взяли. Слыхали? Жуть.

– А им, аспидам, только бы виру взять, – сказал еще один сосед. – Слышали небось, князь из Киева вызвал ковша, казной заведовать.

– Слышали, как не слышать.

– Пока всех нас по миру не пустит – не успокоится, ковш этот, клещ омерзительный.

– Неужто действительно ковш?

– Да.

– Ох-хо-хойушки! Не, ну ты только подумай – везде эти ковши успеют.

– Падлючий народ, надо сказать. Надо бы ихний Киев спалить весь к свиньям. Чтобы до основания. Чтобы головешки одни остались.

– Да, как же. Мы его спалим – не отрицаю, это мы сможем, хоть завтра – а что будет потом, знаешь?

– Что же?

– А они всем городом к нам приедут.

– А мы их не пустим.

– А они хитростью. Намедни у бабки Крохи остановился один, мол, сиротинушка я, пусти меня, бабка, к себе. Она пустила. И все.

– Что – все?

– Оказался ковш.

– Ах он пес волосоногий!

– И то сказать! Обьедал бабку Кроху, да так, что плюнула она в пол, да и уехала к своим во Псков. Так ведь на следующий же день к этому ковшу вся его родня аспидная прикатила! Человек двадцать!

– О! Это что, это ничего, в этом сути нет никакой! А вот у знакомого моего рыбака останавливался один...

– Ковш?

– То-то что нет. Хороший человек. – Рассказчик понизил голос. – С двумя женами. – Кругом заулыбались. – Так вот, рыбак говорил ему – не ездь ты, парень, в Киев. А он в Киев собирался. А рыбак ему – не ездь. А тот не послушал, поехал. Ну, молодому какой указ. Знаете. И вот что дальше было, а, люди добрые? А ушли от него жены его. Обе. К ковшу ушли! Охмурил их ковш. Обоих!

– Да ты не врешь ли? Где видано, помилуй...

– Зачем мне врать? Какая мне корысть, посуди сам.

– Вот твари подлые!

Тем временем прибыл поднятый с постели тысячник.

– Чего собрались? – спросил он неприязненно, подходя к трупу.

– Да вот, мил человек, полюбуйся, – возмущенно сказал один из соседей. – Мы здесь все, за исключением, как есть честные купцы да ремесленники из всем известных. Платим мы твоим горлохватам дополнительную мзду, чтобы жилось нам на нашей улице в степени привольности, чтобы двери запирасть надобности не было насущной. А они – вон чего. Не усмотрели!

– Оно конечно, – вмешался еще один сосед, солидный толстый купец. – Понятно, варанг – так ну его. Пусть. Не жалко. Но чтобы не на этой нашей улице! Пусть бы его на другой улице ухайдакали! Где за ночной покой не платят.

– Тише, – сказал тысячник, оглядываясь встревожено. Впрочем, подумал он, не такой дурак этот толстяк. Все четверо ратников – славяне. При варангах он бы не стал так ... смело ... про них.

– Чей это дом? – спросил он.

И сразу дюжина перстов указала на Любаву.

– Вот она, хозяйюшка, – для пущей доходчивости ехидно сказал кто-то.

– А наверное к ней и шел, – обвиняюще выразила чья-то жена.

– Нет, не может быть, – ответили ей. – К ней Детин ходит.

– Сам?...

Наступило молчание. Хотевшие было что-то сказать, язвительное, при упоминании Детина прикусили вдруг языки.

– Знаешь его? – спросил Любаву тысячник.

– Да, – сказала она.

– Звали его как, знаешь?

Она помедлила.

– Рагнвальд, – ответила тихо но отчетливо.

– К тебе шел?

– Нет.

– Нет?

– Не знаю. Может и ко мне. Я спала. В дверь не стучали.

Тысячник присел на корточки и сдвинул тесемки рубахи Рагнвальда вниз, приоткрывая грудь. Увидев нательный крест, он кивнул с таким видом, будто худшие его предчувствия оправдались.

– Стало быть, гробовщик и дьякон, – сказал он. – Нужны. Ну, орлы, давайте повозку, волочите его в церкву.

– В которую? – спросил один из ратников.

– Вон в ту, – тысячник неприязненно показал рукой. – А вы, люди добрые, идите-ка спать, а то мало ли что. – Заметив на лицах сомнение, он добавил: – Пока варанги не узнали.

Это подействовало. Народ быстро разошелся по домам. Один из ратников побежал за повозкой.

– Эй, – Любава коснулась плеча одного из оставшихся ратников. Тот обернулся. – Зайди со мною в дом.

– Зачем?

– Нужно. Получишь пять сапов.

Ратник посмотрел на тысячника, но тот расспрашивал двоих соседей, показавшихся ему наиболее сметливыми, которым он велел остаться.

Пройдя в спальню, Любава открыла сундук, вытащила кошель, отсчитала десять сапов, и вышла в GRIDНИЦУ, сжав деньги в кулаке.

– Пойдем со мною, – сказала она ратнику.

– Это куда же?

– Не очень далеко. Проводишь меня, получишь награду.

– Будет мне за это наказание.

– Не будет. Тысяцнику сейчас не до тебя.

И они пошли – квартал за кварталом, улицу за улицей, проулок за проулком. Светила луна, но в некоторых проулках дома стояли густо, палисадники были совсем маленькие, и темень стояла непроглядная. Ратник вытащил на всякий случай сверд.

Два раза Любава ошиблась направлением, но все-таки вышла к дому Детина в Троицком Конце.

– Теперь так, – сказала она ратнику. – Я стою вот здесь, в тени. Ты стучишь в дверь. Откроет тебе холоп. Ты скажешь, что тебе нужно срочно видеть хозяина дома, по поручению детинца. Скажешь, что поручение срочное, пусть разбудит хозяина. А когда выйдет хозяин, покажешь рукой на меня и пойдешь себе. Вот тебе пять сапов, и вот, видишь, еще пять, если все сделаешь, как я прошу. За ними придешь ко мне завтра. Понял?

– А если он ... холоп ... откажется будить?

– Дашь ему одну сапу. Вот тебе еще сапа. И попросишь у него метлу.

– Зачем?

– Он даст тебе метлу, а ты ему этой метлой по роже. И тогда он пойдет будить хозяина.

– А если все равно не пойдет?

– Ты дашь метлу мне.

– И ты его метлой по роже?

– Нет. Тебя.

– Такого уговору нету.

– А ежели нету, так я обо всем расскажу Детину завтра. И тебя посадят в темницу на три месяца. И будут каждый день ругать, плохо кормить, и больно пороть.

– Ладно, не серчай.

Ратник стукнул в дверь несколько раз, подождал, почесал арсель, и снова постучал. Грохнул засов, и заспанный холоп выставил наружу лохматую голову. Ратник что-то тихо ему сказал. Холоп скрылся в доме. Через некоторое время на пороге появился Детин, подвизываясь на ходу гашником. Следуя инструкциям, ратник показал рукой в направлении Любавы. Детин шагнул к ней.

– Случилось что-нибудь? – спросил он серьезно и озабоченно.

– Рагнвальда убили, – сказала она тихо. – Прямо под окнами.

– Хм, – сказал Детин неопределенно и нахмурился.

– Я не могу там быть одна. Пойдем со мной.

– Сейчас?

– Да.

Детин помолчал и вдруг порывисто ее обнял. Любава положила голову ему на грудь и заплакала.

– Хорошо, – сказал он. – Эй, ты! Ратник! Иди сюда, не уходи.

Ратник подошел.

– Следуй за нами, – велел ему Детин. – Получишь три сапы.

– Не больно и много, – заметил ратник.

– С тебя хватит.

Огорченный нестабильностью цен на услуги сопровождающего, ратник тем не менее решил, что три сапы лучше, чем ничего. Правда, Любава уже дала ему пять сап, плюс одну сапу на взятие метлы напрокат в целях мордоооаживания, кою сапу он заначил. С другой стороны, она обещала ему еще пять сап завтра. Но, может, обещание Детина отменяет обещание Любавы, и тогда он получит на ... две? ... да, кажется, на две ... сапы меньше, чем рассчитывал. Это несправедливо. Ну да ничего. Сейчас Детин ... Прежде всего – куда это мы идем? А, обратно, к Толстым Пряхам. Сейчас Детин даст ему три сапы, а завтра он, ратник, вернется как ни в чем не бывало, постучится к Любаве и вежливо осведомится, где его обещанные пять сапов. А если она скажет, что три он уже получил от Детина, тогда он потребует хотя бы нехватку в две сапы, все время упирая на то, что такого уговору не было. Две или три? Лучше три. Вообще, когда считаешь, многое путается. Давали бы уж сразу гривну. Или две. Проще.

***

Детин проснулся на рассвете в прекрасном настроении, полюбовался на ровно спящую рядом и величественную во сне Любаву, поднялся, спустился вниз, умылся, велел служанке разбудить повара и накрывать на стол, вышел из дому, погулял по палисаднику, снова зашел, поднялся наверх, и распахнул ставню. Свежий утренний воздух ворвался в спальню, солнце заиграло на горизонтальных поверхностях, и до слуха Детина донеслись какие-то очень деловые разговоры с улицы. Он выглянул. Несколько ратников вышли из дома напротив и направились в соседний. Продолжают опрашивать, понял Детин. Скоро и сюда придут. Запереть, что ли, дверь на все засовы и не отзывать? Впрочем, один из ратников уже успел заметить его в окне. Ну и леший с ними.

Любава проснулась, села, мигая, на постели, и улыбнулась Детину. Он подошел, и они поцеловались.

Завтрак повар приготовил не очень тщательный – очевидно спросонья. Но Детин и Любава все равно съели его с удовольствием. И вышли посидеть на солнышке в палисадник. Усадив Любаву на длинный ховлебенк, Детин лег не него же, на спину, и положил голову Любаве на колени. Они молчали и улыбались. Любава гладила Детина по волосам.

Приближался полдень.

В дом постучали. После каких-то объяснений, данных служанкой, визитеры прошли через дом и вышли в палисадник, оказавшись ратниками. Четверо.

– Детин, – сказал Горясер, улыбаясь.

Детин поднялся и сел.

– Да?

– Тебя требует к себе посадник.

– Прямо сейчас? – спросил Детин на всякий случай. Не хотелось никуда идти.

– Да, увы. Очень срочно.

– Хорошо.

Детин вошел снова в дом, нацепил в спальне сленгкаппу, прихватил кошель, и последовал за ратниками.

В детинце они не направились сразу в терем, но пошли обходным путем. Очевидно, посадник тоже любит посидеть на солнце, подумал Детин.

За теремом обнаружилась плетеная ограда, а за оградой четыре прямоугольных углубления в земле. Ямы, вспомнил Детин.

– До свидания, – сказал Горясер и вышел за ограду.

Детин остался в окружении трех ратников.

– Если тихо отдашь кошель, – сказал один ратник, – то вот, видишь, мы тебе дадим веревку. А то там глубоко, ежели прыгать, то ноги поломать можно. А по веревке спуститься – одно хвоеволие. Мы подержим.

– Вы это что же? – удивился Детин.

– Так велено. Потом тиун придет и будет тебя обо всем расспрашивать, расспрашивать. А наше дело маленькое, нам тебя только в яму пихнуть, и все. Но войди в наше положение, строитель Детин. Люди мы подневольные, хвоеволия нам мало, платят столько, что сказать стыдно. Вот мы и промышляем помаленьку. Вон в той яме сидит один, так он сразу согласился, и мы его даже подкармливаем иногда. А вон в той, там мужик кричал, разгорался в душе своей, обзывал нас словами подлыми. Пришлось его столкнуть без всякой веревки. Он там уже неделю стонет. Ну, недолго ему осталось. Так что, отдашь кошель? Мы ведь все равно возьмем, так лучше сам отдай.

Детин оглянулся по сторонам. Ограда. Четыре ямы. Трое ратников со свердами. За оградой – ни души. Задняя стена терема. Звать на помощь? Кого?

– А с посадником как же? – спросил он. – Мне ведь сказали, что я буду говорить с посадником.

– Может и будешь, откуда нам знать.

– А за что мне все это?

– Ну, не дури, добрый человек. Будто не знаешь.

– Не знаю! – Детин повысил голос.

– Так-таки не знаешь?

– Нет!

– Не кричи, а то шея вздуется. Кошель давай.

– Да объясните мне ... люди добрые ... за что наказывают меня! Я ведь ... ведь я – Детин!

– Мы знаем.

– Я самый богатый человек в городе!

– Поэтому мы и будем к тебе хорошо относиться, пока не околеешь. У тебя в кошеле много монет, небось.

Детин рванулся к выходу, но ратники были к этому готовы и схватили его – унизительно, за руки и за шиворот, не доставая сверды.

– Остынь, – сказал один ратник.

– Пусти!

Последовал короткий удар в скулу и щеку, и за ним еще один, в глаз. Затем Детина пнули коленом в живот, и дыхание пропало. Детин опустился на корточки, широко открыв рот. С нижней губы закапала кровь.

– Не дури, богатый человек, – наставительно сказал говорливый ратник. – Не дури. Давай сюда кошель.

Детин попытался отвязать кошель от гашника, но пальцы не слушались. Один из ратников достал нож и перерезал Детину гашник. Рубаха упала до колен.

– Сленгкаппа богатая какая, – сказал другой ратник.

– Оставь ему, – не согласился говорливый. – Ночи нет-нет, да и бывают холодные нынче. Ого!

Он открыл поданный ему кошель.

– Здесь только золото, – сказал он, не веря глазам.

– А ну, покажи, – сказал другой ратник.

Третий присоединился.

Детин выпрямился и покорно стоял рядом, пока ратники восхищенно перебирали монеты, подкидывали их, пробовали на зуб. От унижения хотелось выть.

– Ну, ладно, раз такое дело, – сказал говорливый ратник. – Вот тебе, Детин, веревка добротная. Держи крепко конец, и мы тебя спустим. Ты вот что, ты ее на руку себе намотай, вроде как перевязываешь ссадину. Вот так, – он показал как. – Давай, наматывай. Вот, правильно. Ну, пойдем.

Они подошли к яме. Детин с опаской заглянул вниз. Глубины было три человеческих роста. Потянуло зловонной сыростью и еще чем-то. Что там было, на дне – не хотелось даже думать.

Он держал веревку, и его спускали – произошло это очень быстро, опомниться не успел.

Некоторое время спустя к яме подошел тиун и, не заглядывая в нее, скучным голосом объявил Детину, что обвиняется он в убийстве уважаемого человека по имени Рагнвальд, и что через два или три дня состоится суд. Детин пытался что-то спросить, но тиун не проявил никакого интереса к его вопросам и ушел, не попрощавшись.

***

В это же время между предводителем наемников Ньорором и князем Ярославом произошел, в ярославовых палатах в Верхних Соснах, неприятный разговор.

– Уж не обессудь, конунг, – спокойно говорил Ньорор, глядя Ярославу в глаза. – Я бы и рад тебе служить дальше. Но обстоятельства не позволяют мне и впредь кормить воинов лишь обещаниями. Полгода мы здесь торчим. Задаток мои головорезы давно проели и пропили. Грустят они без дела и без золота. И так они уж недовольство проявляли. А теперь еще кто-то убил Рагнвальда, а Рагнвальд был символом воинства в степени не меньшей, чем Эймунд. И стычки с новгородцами участились.

– Стычки с новгородцами были и до убийства Рагнвальда, – сказал Ярослав мрачно. – И новгородцы тут не при чем. Твои люди, Ньорор, вместо того, чтобы договариваться о прокорме впрок – оскорбляют, вместо того, чтобы брать в долг, берут не спросясь. Что же – новгородцы их за это любить должны?

– Конунг, их здесь три тысячи. Две тысячи девятьсот в Хольмгарде, или, как тут говорят, в Новгороде. Сто человек здесь у тебя, под боком, и, как тебе известно, ведут себя смиренно. Поскольку им платят. Ты их подкармливаешь, и даже ангажируешь им тут девок из хорловых теремов. Но те, что в Хольмгарде – растеряны. И огрызаются. Если в самое ближайшее время не будет найден и казнен убийца Рагнвальда, я просто не могу ручаться за дальнейшее. Найди мне денег, конунг. Воинам немного нужно, у них скромные запросы. Или же давай отправимся в поход.

– В какой еще поход?

– На Киев. Тебе же хочется занять престол брата.

– Во-первых, с чего ты взял, что тебе известно, чего мне хочется.

– Знаю.

– Нет, не знаешь. Во-вторых, идти с тремя тысячами войска на Киев – безумие. И даже если новгородцев тысяч пять наберется – все равно безумие. В Киеве Святополк, не прежний, но утвердившийся, и Болеслав, с которым не шутят. Скажи-ка мне, Ньорор, а если убийцу Рагнвальда не найдут? Или найдут, но оправдают? Что тогда?

– Лучше бы этого не случилось.

– И все же?

– Будет смута. Будут гореть дома. И мне придется увести всех моих воинов. После этого Житник со своей хольмгардской дружиной, а она четыреста ратников насчитывает, придет сюда и схватит тебя, конунг. И тебя либо убьют нечаянно, что вероятнее всего, либо заключат в темницу навсегда. Или же...

– Или?

– Или же давай наконец устраним Житника. Ты ведь для этого и привел нас сюда.

– Нет.

– По-моему, самое время.

Ярослав вздохнул. Было унижительно – посвящать наемника в свои замыслы, делиться суждениями. Да и опасно. Но выхода не было. Наемникам, чтобы они не спрашивали отчета, следует платить.

– Сколько ты говоришь у Житника ратников?

– Четыреста человек.

– Это все мечты, Ньорор.

– Если ударить внезапно, вряд ли он успеет собрать больше тысячи. С Хольмгардом у него отношения тоже не очень хорошие.

– А он и не будет никого собирать. Он просто уйдет в лес. Собирать будут окрестные землевладельцы и лесные волхвы. И будущей весной он вернется с сорока тысячами войска, выбрав момент, когда меня нет в городе. И всех твоих головорезов отчаянных и бесстрашных

подвешат за ребра вдоль псковско-новгородского хувудвага, по древнему обычаю, берущему начало от рюриковых соратников.

После недолгого молчания, Ньорор встал и пошел к двери.

– Найди деньги, конунг, – повторил он и вышел.

Некоторое время Ярослав сидел, привалившись спиной к стене. Нужно было что-то предпринимать, кого-то уговаривать, куда-то спешить, но ничего делать не хотелось. Совсем ничего. И дело было не в Ньороре и не в наемниках. Все-таки он заставил себя встать, подойти к двери, поманить к себе холопа и велеть ему найти и привести Явана, который недавно прибыл с известиями в Верхние Сосны.

Яван, хмурый, невыспавшийся, вошел в горницу князя и коротко поклонился.

– Яван, ты обещал мне деньги – где они?

Яван к такому вступлению был готов – и промолчал.

– Очень нужны, Яван. Очень. Особенно сейчас.

– У меня есть своих гривен сто, могу дать займы, без надстроя, – сказал Яван. – Купец небачко предлагает тысячу под десятинный надстрой.

Князю стоило больших усилий не махнуть рукой.

– Ну что ты хочешь от меня, князь! – сказал Яван раздраженно. – Я делаю все, что могу. Долги почти выплачены, в казне есть две тысячи гривен, ожидают еще десять тысяч – но не вдруг.

– Долги обязательно нужно выплатить? Повременить нельзя?

– Можно. Можно вообще не платить. Можно послать человек сто ратников во все богатые дома и взять все, что чего-нибудь стоит. И после этого бежать в Киев и сдаваться Святополку – вдруг не откажет.

– Как скоро будут деньги?

– Два месяца. Если не случится непредвиденного. Поскольку непредвиденное всегда случается – три или четыре месяца.

Ярослав помолчал и вдруг спросил, —

– А что Детин?

– Детин? При чем тут Детин?

– Его будут судить.

– Да, на днях.

– Все один к одному, – пробормотал Ярослав.

– А что? – спросил Яван.

– Детин ... обещал мне деньги.

– Сколько?

– Сколько понадобится.

– Наедине? – быстро спросил Яван.

– По-моему разговор подслушали.

Подумав, Яван сказал тихо, —

– Стало быть, Рагнвальда убил все-таки не он.

– Нет. Не знаю, специально ли убили для этого Рагнвальда или нет.

– Специально?

– Чтобы обвинить Детина.

– У Детина, – спросил Яван, – были ... разногласия ... с Житником?

Неожиданно он вскочил, бросился к двери, и ударил ее ногой. Выглянув, он убедился, что под дверью никто не подслушивает. Вернувшись, он сказал, —

– Так были?

– Еще бы, – Ярослав пожал плечами.

После ухода Явана князю стало совсем худо. Он едва дождался вечера. Накинув сленг-каппу попроще, он вышел через задний двор и задворками стал пробираться к домику у самой воды, в котором жил вернувшийся из поездки посланец.

Глава восьмая. Новгородская Правда

А ближе к вечеру к Любаве, начавшей всерьез беспокоиться о Детине, пришли десятеро варангов, из тех трех тысяч, что Ярослав привел в Новгородчину. Вообще-то они не к ней пришли, а перебирались, по указу посадника, на новое место жительства. Они были предупреждены, что в доме живут женщина, служанка, и повар, и были совершенно не против. Они были вежливы.

– Мы тебе и служанке спальню оставим, – сказал их предводитель, вежливо сняв шлем. – Мы неприхотливы.

– Но, – сказала Любава растерянно, – я ничего не знаю, мне ничего не говорили ... Скоро вернется хозяин дома...

– Детин?

– Да.

Варанг замялся.

– Дело такое, добрая женщина, – сказал он. – Детин ... как мне объяснили ... сюда не вернется. В ближайшее время. Детин, он ... взят под стражу за убийство. Будет суд, скорее всего, но на самом деле все и так ясно. Я тебе сочувствую, но, видишь ли ... Я знал Рагнвальда ... давно это было. Мы с ним когда-то были очень дружны. Я знаю, ты здесь не при чем. Но Детин получит по заслугам.

Колени потеряли чувствительность, и Любава подумала, что сейчас упадет. Она шагнула в сторону и бессмысленно улыбнулась.

– Ты сядь, добрая женщина, – сказал варанг. – Как я уж сказал тебе, ты здесь не при чем. Тебя никто не тронет. Если, конечно, не будет на то приказа. Мои молодцы, правда, когда пьют, вежливость теряют. Но ты, если что, зови сразу меня. Пойду я пока что посмотрю, чтобы они там не украли ничего у тебя в спальне. Бездействие – яд для воина. Всякая мораль теряется в бездействии.

Он вышел из гридницы. В углу переговаривались двое, посматривая на Любаву. Позвать служанку? Повара? Повар спит. Служанка ... пропади она пропадом. Продаст с потрохами. Деньги какие-то в спальне. И варанги. Тоже в спальне.

Следовало срочно уходить. И Любава вышла на улицу в чем была.

Солнце уже село, но небо не успело еще основательно потемнеть. Куда идти?

В детинец. Просить за Детина. Просить – кого? Житника. Бессмысленно. Разделить участь Детина. Не дадут. Да еще и надругаются. Что делать?

Она просто пошла по улице. Вышла на поперечную улицу. Пошла по ней. Ее окликнули, и она обернулась. Двое людей, не ратники, но со свердами, быстро приблизились. Она хотела было побежать, но ноги не слушались. Хотела крикнуть, но вокруг никого не было.

– Пойдем с нами, – сказал один из них. – Поговорить надо. Впрочем, если ты нам скажешь, где спрятала грамоты, мы тебя отпустим.

– Грамоты?

– Не ври! Тебе прекрасно известно, какие грамоты. Говори, где спрятала.

– Не знаю никаких грамот.

– Тогда пойдем с нами.

Он взял ее за плечо. Она стала вырываться. Он встряхнул ее так, что в голове зашумело.

– Здесь недалеко, – спокойно сказал он.

Судьба, подумала она. Детин меня вытащил, но это была только отсрочка. Судьба.

Они пошли спокойным широким шагом, а Любаве приходилось семенить, подтягиваться, просить, чтобы шли помедленнее. Ее не слушали – ее просто волокли.

Позади послышались голоса и топот тяжело бегущих. Похитители огляделись по сторонам, свернули в какой-то палисадник, и спрятались в тени деревьев, держа Любаву с двух сторон. Один из них зажал ей рот рукой.

Человек пять варангов пробежали мимо, глядя по сторонам, переговариваясь.

– Она не там. Наверное свернула вниз.

– Бежим вниз?

– Проверь следующий перекресток на всякий случай.

– Ведь в доме была! Как же ее выпустили!

– Засмотрелись на дом, заговорились. А Вильс со служанкой стал флиртовать.

– Вильсу голову скручу за это.

Стихло. Похитители осторожно вышли снова на улицу, крепко держа Любаву. Никого. Один из них ослабил хватку на руке и предплечье Любавы. Второй убрал руку от ее рта. Они снова зашагали по улице.

На следующей улице к ним присоединился третий мужчина, очень молодой, тоже без кольчуги, и тоже со свердом, и пошел с двумя изначальными в ногу, улыбаясь. Он с ними, подумала Любава.

Но они так не думали.

– Тебе чего? – спросил один из них.

– Я прогуливаюсь, – ответил присоединившийся. – День-то какой хороший выдался. Солнце было такое ... как бы сказать ... сочное такое ... основательное было солнце.

– А ну, милый человек, иди-ка ты своим путем, – сказали ему.

– А я по-вашему что делаю? Это как раз и есть мой путь. Трудный и тернистый. Кругом заговоры и вероломство. И вежливых людей мало. Недавно я был в Хазарии. Там тоже очень мало вежливых.

– Чего тебе надо? – грубо спросил волочащий Любаву.

– Счастья и понимания, – ответил присоединившийся, вынимая сверд.

– Ну, хорла, сейчас тебе...

Он не договорил. Присоединившийся сделал резкое движение, и волокший Любаву вдруг остановился, осел, и прилег на бок. Он хотел что-то сказать, открывал и закрывал рот, но, очевидно, не находил слов.

Его партнер отскочил, выхватил сверд, и накиннулся на присоединившегося. Любава замерла. Клинки скрестились со зловещим звоном, лязгнули, отскочили друг от друга, после чего присоединившийся совершил какой-то непонятный пируэт, увернулся от удара, и, чуть подпрыгнув, ударил согнувшегося по инерции противника ногой в лицо.

– Это за невежливость, – сказал он.

Противник выронил сверд и схватился за нос и щеку. Присоединившийся махнул свердом сверху и по диагонали, помель задел затылок невежливого, и невежливый рухнул на землю.

– Пойдем, быстро, – сказал присоединившийся, вкладывая сверд в ножны.

– Ты ... – сказала Любава. ... Это ... что...

– Присочинил я, – объяснил он. – Не был я в Хазарии, что мне там делать. Все эти разговоры про невиданные порядки и сильную власть – все это байки бабки Лусинды. Пойдем, не стой. Сейчас сюда еще кто-нибудь прибежит и захочет поучаствовать. Да не стой же!

Они быстро пошли вниз по склону, свернули на поперечную улицу, потом еще раз и еще раз.

– Кто ты? – спросила Любава.

– Лучше бы ты спросила, кто такие они. Которые тебя давеча волокли.

– Я не знаю.

– И я не знаю. Это-то как раз и плохо. Помолчи. Разговаривать потом будем, когда спрячемся.

– Спрячемся?

– За тобой теперь полгорода гоняться будет. Так что – да, спрятаться необходимо.

– Почему? Что им нужно?

– Счастья и понимания, как всем. Тише. Помолчи.

Он прошел через палисадник и постучался в дверь. Дом был старый, обветшалый. Открыла им тощая некрасивая женщина и мрачно посмотрела сперва на Любаву, затем на спасителя Любавы.

– Ладно, – сказала она. – Так и быть. Заходите.

– Добрый вечер, тетка Погода, – приветливо сказал спаситель и сунул ей в руку монету.

Помещений имелось несколько – все миниатюрные. Спаситель, взяв со стола одну из двух свечей, уверенно направился в левое угловое, открыл шаткую дверь, и кивнул Любаве.

– Нет, – сказала она.

– Что – нет? А. – Он поморщился. – Даже в мыслях не было. Ты будешь спать здесь. А я вон в той камерке, – он кивком указал направление. – Но сперва мне нужно тебе кое-что объяснить. Да заходи же, не бойся.

Она зашла, и он закрыл дверь. В углу лежала куча соломы. Другой мебели в комнате не было. Окно выходило не совсем понятно куда – темно, видны звезды и черные неподвижные тени не то деревьев, не то домов. Спаситель поставил свечу на пол.

– Можно было бы заночевать в кроге, – сказал он. – Но по крогам тебя наверняка будут искать. Дела твои плохи.

– Кто ты такой?

– Сядь. На солому.

– Ты меня знаешь?

– Знаю.

– А я тебя?

– Я думал, что да. Оказалось – нет. Это не важно. Я должен тебе помочь, поскольку не люблю бросать начатые дела.

– А что ты обо мне знаешь?

– Листья шуршащие! Эка народ, все только о себе. Многое знаю.

– Например?

– Тебя зовут Любава. В крещении Иоанна. Муж твой убит пиратами. Любовник твой под стражей за то, что убил Рагнвальда. Который приходил к тебе.

– Он не убивал...

– А?

– Не убивал. Рагнвальда. Это не он.

Спаситель пожал плечами.

– Это не он! – настаивала Любава.

– Может и не он. Но тебе-то что до этого? Люди, которые тебя схватили, и люди, которые будут тебя искать, не интересуются подробностями. Им нужны грамоты, которые Рагнвальд хотел тебе передать, а Детин, убив его, куда-то спрятал. Детина будут пытаться, но он может и не признаться. А вот ты признаешься. Поэтому тебя и ищут. Если ты знаешь, где спрятаны грамоты – скажи, я их найду и отдам нужным людям. И тебя перестанут искать. Если не знаешь, плохо. Придется скрываться, узнавать что к чему, возможно бежать из города. Те, кто хочет получить эти самые грамоты, шуток не признают. Ужасно серьезные люди.

– Я не знаю!

– Верю. А Детин знает.

– Он тем более не знает. Его должны отпустить!

– Не отпустят. Его обвинили в убийстве, и просто вирой он не отделается. Будет устроена показательная казнь, чтобы успокоить варангов. Ничто другое их не удовлетворит. Я сам в какой-то степени варанг, поэтому знаю, о чем говорю. И почему-то мне кажется, что Детин знает, где грамоты. А?

– Откуда ты меня знаешь? Как тебя зовут?

Он засмеялся.

– Тебе бы давно этим поинтересоваться.

– Ты очень молод. Я не помню...

– Зовут меня Аскольд. ... Опять помрачнела. Да что же это такое. Ну, хорошо, не Аскольд. Вообще-то трудно представить себе в наше время человека, которому пришлось бы в голову дать такое имя сыну. Впрочем, я совершенно точно знаю, что как минимум один отец назвал сына своего Диром за чем-то. Года двадцать три назад.

Помолчав немного, он пожелал ей спокойной ночи, коротко поклонился, и вышел.

Любава думала, что ни за что не уснет, и вдруг неожиданно уснула, и проснулась только на рассвете, от того, что луч солнца, пробившись сквозь щель в ставне, щекотал ей глаза и правую щеку. Она сразу вспомнила где она и почему и решила снова уснуть, но ничего у нее не вышло. Некоторое время она лежала на спине, прислушиваясь к звукам и разговорам в доме. Тетка Погода распекала молочницу, попытавшуюся продать ей кислое молоко, а молочница возмущалась и говорила, что молоко вовсе не кислое, а наоборот, свежее, все хвалят, нарадоваться не могут, и только старая хорла Погода дурит и кочевряжится, ибо нет ей большего хвоеволия, чем хулу на честных людей возводить, и чтобы ей, ведьме, провалиться и заржаветь в хвиту, белмы ее бесстыжие, на что тетка Погода возражала в том смысле, что молочница прижила от заезжего варанга дочь, такую же хорлу, как она сама, и обе они, молочница и дочь, жирные и подлые твари.

Вдруг все стихло, и вскоре в комнату к Любаве вошел ее спаситель, уже умытый и одетый.

– Наденешь вот это, – сказал он, кладя поверх покрывала нечто.

– Что это?

– Одежда. Носить.

Любава подождала, пока он выйдет, и развернула то, что ей предстояло надеть. Оказалось – монашеская роба из грубой темного цвета холстины, с большим капюшоном, закрывающим часть лица. Подумав, она решила, что для передвижения по улицам это очень даже кстати, никто не узнает, но все же удивилась, выйдя в общее помещение и увидев спасителя своего в точно такой же робе поверх обычной одежды, с двумя посохами. Он кивнул, протянул ей один из посохов, и направился к двери. Она последовала за ним. Будучи почти одного роста, они в точности соответствовали образу двух странствующих паломников.

– Куда мы идем? – тихо спросила Любава.

– Сперва на торг, – ответил он. – Мне нужно там поговорить с одним человеком.

На торге было людно. Временно освобожденный Житником от десятины Тевтонский Двор завалил все прилавки товарами, покупатели стекались со всех концов Земли Новгородской, и, пользуясь наплывом, остальные торговцы подсустились и доставили в то лето в Новгород вдвое больше товаров, чем обычно.

Любава и ее спаситель проследовали прямо к Тевтонскому Двору. Охрана сообщила, что искомый купец Иоганн из Баварии отсутствует. Спаситель Любавы поблагодарил охрану.

Проходя мимо одной из оружейных лавок, он проявил повышенный для монаха интерес к свердам. Примеряясь к экзотическому римско-легионерскому клинку, короткому, зловещей формы, он вдруг поднял голову и слегка сдвинул капюшон, увидев в толпе знакомое лицо.

Это же Яван, подумал он. Это очень даже кстати. С ним нужно говорить, так или иначе, он что-то знает. И безопасно – Яван не Дир, умнее, он не станет, заметив меня, кричать «Хелье! Ты здесь! Как поживаешь!» на весь торг, чтобы все обернулись и заметили. Понятно ведь, что

человек, надевший робу, либо скрывается, либо принял постриг – и в любом случае не хочет, чтобы его имя публично скандировали.

В этот момент он встретился с Яваном глазами.

– Хелье! – крикнул Яван. – Ты здесь! Как поживаешь!

Несколько человек обернулось, желая посмотреть на того, кого громко назвали по имени. Хелье не стал прикладывать палец к губам, справедливо решив, что это еще больше заинтригует зевак.

– Что ты так кричишь? – спросил он, шагнув к Явану. – Ты не кричи. Ты тихо.

Яван понял, что совершил оплошность и подвел друга, и подавил в себе желание поозираться, чтобы посмотреть, кто и что и как услышал и увидел – что привлекло бы еще больше внимания.

***

В доме, который Яван купил, как он объяснил, «по случаю», наличествовали гридница, кухня, столовая, занималовка, и за занималовкой спальня. Наличествовал также погреб с откидывающейся крышкой, который Яван не стал показывать гостям.

Любава присела на ховлебенк и откинула капюшон. Взглянув, Яван сделал шаг назад и вдруг рассмеялся. Хелье строго на него посмотрел.

– Вот оно что, – сказал Яван, садясь на скаммель и наклоняя голову вправо, оценивая. – Слыхал, слыхал.

– Что же ты слыхал? – спросил Хелье, хмурясь.

– Разное. Ну, болярыня, удача тебе сопутствует. Вернее человека, чем Хелье, тебе не найти – и ты сразу его нашла.

– Да, – сказала она неопределенно.

– Положение наше такое, Яван, – сказал Хелье, – что ... в общем, нужно бы бежать нам отсюда.

– Бежать? Почему?

– Болярыню ищет половина города. А меня, ежели кто в Новгороде заметит из Людей Константина, да хоть бы и Эймунда, просто придушат в закоулке.

– Да? – Яван не удивился. – Стало быть, нужна ладя или повозка. Это я вам устрою.

– Благодарю, но – нет, спасибо, – возразил Хелье. – Мы остаемся.

– Ага, – сказал Яван. – Ну, что ж. Погреб есть. Еду я буду вам приносить.

– Нет. Нам нужно будет много ходить по улицам.

– Зачем?

– Нужно.

– Но ты же говоришь...

– Мы останемся, и в погребе прятаться не будем.

– Ага. То есть, в Новгороде у тебя есть дело, которое надо закончить.

– Да.

– Что за дело?

– Не скажу. Пока что.

– Обижает.

– Обижайся, если тебе охота. Ты тоже всего не говоришь.

– Спрашивай, – возразил Яван. – Отвечу.

Хелье насмешливо посмотрел на него. Яван поднял брови, задрал подбородок, и одарил Хелье надменным взглядом. Хелье оглянулся на Любаву. Любава внимательно изучала Явана, будто пытаясь вспомнить, где именно она видела этого человека.

– Ты поступил на службу к Ярославу, – сказал Хелье.

– Да.
– Но сама по себе служба эта не цель, но средство. Не так ли.
– Любая служба...
– Нет, нет. Средство для достижения совершенно конкретной цели. И об этой цели ты мне не скажешь. И не заводи, пожалуйста, разговор о всемирном заговоре межей.
– Заговор существует, – сразу сказал Яван и готов был спорить.
– Может и существует, но ты-то в нем не состоишь.
– Ты уверен, что не состою?
– Да. Для того, чтобы тебя вовлечь в какое бы то ни было предприятие, нужно быть либо очень наивным, либо очень мудрым.

Явану понравилось.

– А заговорщики, как правило, – сказал он, – люди посредственные. Не глупы, но и не мудры.

– Пожалуй что так. – Хелье подумал и добавил, – Без женщины не обошлось, небось.

Оба одновременно посмотрели на Любаву. Поерзав на ховлебенке, Любава вдруг улыбнулась. Улыбка у нее была совершенно очаровательная – очень светлая, солнечная. Яван и Хелье улыбнулись одновременно, глядя на нее. Хелье отвел глаза.

В этот момент в саду раздалось энергичное тьякканье и в приоткрытую дверь занимайки, ведущую в сад, втиснулась огромная черная собака.

– Ты куда это? – грозно спросил Яван.

Собака тьякнула очень громко и виновато и остановилась в нерешительности. Хелье подумал, что присевшая было на ховлебенку Любава сейчас испугается, но она не испугалась, а посмотрела на собаку с интересом и вдруг протянула к ней руку. Собака приблизилась к Любаве и обнюхала – сначала руку, потом колени.

– Калигула, на место! – сказал Яван.

Собака посмотрела укоризненно на него и заскулила.

– Он хочет, чтобы с ним кто-нибудь поиграл, – сказала Любава.

– Абсолютно бесполезное создание, – сказал Яван, обращаясь к Хелье. – Места занимает много, лает зычно, но трус трусом. Боится всех. На задний двор выходит только потому, что там забор высокий, а то бы боялся прохожих и дома бы сидел.

– Я, пожалуй, пойду с ним поиграю, – сказала Любава, вставая. – Калигула его зовут, да? Пойдем, Калигула.

Калигула завилял хвостом и бросился к двери. Остановился, оглянулся на Любаву и посмотрел заискивающе ей в глаза. Любава улыбнулась и погладила пса.

Задний двор действительно огорожен был высоким забором, обособлен от улицы, самодостаточен. В углу торчал артезианский колодец, оснащенный чудом новгородской техники – лебедкой с ржавым держалом. Главный предмет новгородской нелюбви – проклятые ковши – служили примером для подражания, и среди всех сословий города всегда считалось хорошим тоном иметь или делать что-то «как в Киеве» – а этим летом Новгород захлестнула волна киевской моды, и все состоятельные молодые люди щеголяли в киевских сленгках и при этом подделки легко отличались от аутентичных фасонов людьми знающими. И вот – лебедка над колодцем.

Пес Калигула стал радостно носиться по двору, время от времени подбегая к присевшей на шаткий дворовый скаммель Любаве и обнюхивая ее колени. Из дома доносились голоса – запальчивый тенор Хелье и густой баритон Явана. Мужчины спорили, время от времени повышая голос и пересыпая доводы отвратительными ругательствами. Любава, за последние полгода слышавшая очень много ругательств и уставшая от них, не вслушивалась в смысл перепалки.

– Листья шуршащие! Ты хочешь сказать, что поступил на службу только для того, чтобы разузнать, где лежит эта хорлова карта?! – возмутился Хелье. – Да это не просто, хорла, легкомыслие, эти твои котелушки, это – наглость, граничащая с предательством.

– Не смей, хорла, меня учить! – огрызнулся Яван. – На себя посмотри, утешитель женщин, хорла! Эти рот с твоими нравоучениями! Добронеге он служил, служитель, хорла!

– Дурак! Я тебя ни о чем не прошу, хорла!

В перепалке сделалась пауза.

– Между прочим, Рагнвальд искал случая помириться с князем, судя по всему, – сообщил Яван.

– Да?...

– Обоз. Лихие люди напали на обоз, везущий десятину из Дроздова Поля. В Новгород. И если тот, кто их разогнал, был не ты ... а?

– Не я.

– Значит, Рагнвальд. Нашел случай оказать услугу.

Любава встала, прошла по двору, подобрала обломок коряги и помахала им в воздухе. Калигула заинтересовался и подскочил к ней. Любава замахнулась и метнула корягу к противоположному забору. Калигула рванулся, стрелой пролетел двор, подобрал палку, принес обратно, и долго не хотел ее отдавать. Мужчины в доме перестали кричать и заговорили тихо. Несколько раз Любава слышала свое имя. Ей стало интересно, и она вернулась в дом. Калигула последовал за ней.

– Он может узнать Любаву, – сказал Яван.

– Я оставлю ее у тебя. Пусть подождет.

– Я не буду здесь ждать, – сказала Любава. – Я пойду с тобой. В крайнем случае можно отрезать косу.

Возникла недоуменная пауза.

– Зачем косу-то отрезать? – спросил Хелье.

– А болярыня-то с характером, – заметил Яван.

Любава вдруг подмигнула ему. Неожиданно Яван, как ранее Хелье, отвел глаза. Хелье скривил губы.

– Ладно, – сказал Яван, поворачиваясь к Хелье. – Что ты рассчитываешь от него узнать? Помолчав, Хелье спросил на всякий случай, —

– От кого?

– От Гриба.

– Его Гриб зовут?

– Да.

– Вроде подберезовик?

– Нет, это не киевское слово.

– А как в Новгороде грибы называются?

– Паддехаты.

– Вроде датских, на которых жабы сидят, а мухи дохнут?

– Да, но в Новгороде так вообще все грибы называются. Кстати, датский паддехат я недавно здесь видел.

– Странно. Стало быть, Гриб на местном наречии значит?...

– Стервятник.

– Ясно.

Еще помолчав, Хелье сказал, —

– От Гриба узнать я рассчитываю многое.

– Например? Может, я знаю, – объяснил Яван. – Может, тебе вовсе не надо идти к Грибу. Хелье оглянулся на Любаву.

– Например, кто и в котором часу убил Рагнвальда.

– Ты хочешь сказать, что вовсе не ты его убил?

– С чего это мне?

– Шучу. Рагнвальда по всей вероятности убил Детин.

– Нет, – сказала Любава.

– Нет, – подтвердил Хелье. – Я уже думал. Детин не стал бы никого посылать вместо себя.

А если бы Детин сам сунулся к Рагнвальду, результаты были бы иными. Человек, убивший Рагнвальда, был подослан. Выполнял чье-то поручение.

– Откуда ты знаешь? – спросил Яван.

– Осмотрел место.

– И что же? ... По-моему, ты что-то такое придумал ... не то. Подосланный, действующий по плану, не будет убивать прямо на Улице Толстых Прях, у всех на виду. Что-то не так.

– Поэтому Рагнвальда убили не на Улице Толстых Прях.

– Не понял.

– Вот сейчас я смотрю на тебя, – сказал Хелье, – но совершенно точно знаю, что Любава провела рукой по волосам.

– Э... – сказала Любава.

– И что же? – спросил Яван.

– В Старой Роще учат видеть затылком, – объяснил Хелье. – Тот, кто убил Рагнвальда, хорошо это знал.

– А Рагнвальд учился в Старой Роще?

– Ты быстро соображаешь. Да. Более того, тот, кто его убил, похоже, знал Рагнвальда лично. Некоторое время они шли по городу вместе, быстрым шагом. Прибытие на Улицу Толстых Прях не входило в планы подосланного. Он дождался густой тени слева по ходу. Нож был в рукаве. Возможно, он сделал движение, будто указывая на что-то рукой, издал восклицание. Не знаю. Рагнвальд остановился, повернул голову, и в этот момент ему всадили нож. Произошло это очень быстро, и тем не менее он успел среагировать. Даже сверд вытащил. И даже достал своего убийцу свердом и легко ранил. После этого он упал, а убийца быстро ушел. Рагнвальд поднялся и добрался до Улицы Толстых Прях.

Любава слушала очень внимательно. Глаза ее не мигали, губы вздрагивали.

– Тебе это кто-то рассказал? – спросил Яван.

– Остались следы. Кровь. Где-то гуще, где-то реже. Целая лужа там, где Рагнвальд свалился в первый раз, и несколько пятен на равном друг от друга расстоянии по пути ухода убийцы. Кровавый след Рагнвальда до самой Улицы Толстых Прях. Где-то роса размыла след, но есть камни и есть трава вдоль стен. Достаточно красноречивые собеседники.

– Этому тоже учат в Старой Роще?

– Да.

Яван кивнул, не глядя на Хелье. Он явно о чем-то напряженно думал. Было похоже на внутреннюю борьбу.

– Мне нужно узнать, зачем ухарям понадобилась Любава, – настаивал Хелье. – Подставлять Детина – это одно, Детин богат, у него много недоброжелателей. Хотя дико это как-то все. Убить одного, чтобы насолить другому. Но при чем тут Любава?

– Ты собираешься спрашивать об этом у Гриба? – спросил Яван.

– Не только об этом. Но и об этом тоже.

Яван снова кивнул.

– Хорошо. – Он вздохнул, встал, подошел к ставне, приоткрыл ее, а затем захлопнул раздраженно.

– Как это все не к спеху! – сказал он. – Что-то затевается в этом городе. Знать бы, что именно.

– Это нетрудно, – возразил Хелье. – Идет борьба за власть. Житник делает вид, что он лоялен и спокоен, Ярослав делает вид, что он совершенно не хочет вдаваться в дела правления. Спасибо тебе за Гриба. Поговорим после как-нибудь.

– Ты не собираешься ли туда один идти? К Грибу?

– Не переживай. Не один, с Любовой.

– Это глупо.

– Нет. Разбойники – народ суеверный. А монахов в Новгороде все боятся. Уж не знаю, почему.

– Это правда.

***

На первый взгляд Черешенный Бугор мало отличался от других небогатых концов Новгорода. Те же грязные улицы, те же покосившиеся домики, то же почти полное отсутствие деревьев – их вырубали для мелких нужд. Что это были за нужды, нынче никто уже не помнил. Бедные люди не придают большого значения естественным ресурсам и их употреблению, и известны своей расточительностью по отношению ко всему, что не принадлежит им лично, поскольку то, что принадлежит им лично добывалось трудом тяжким, а все остальное появилось само по себе.

Когда-то Черешенный Бугор был совсем другой – богатые землевладельцы, чьи семьи получили владения еще от рюриковых щедрот, селились там, на пологом склоне, соревнуясь между собой убранством замысловатых построек. Во времена Хельи Псковитянки, любившей простор и новые места, новгородская знать потянулась за правительницей в пригород. Князь Владимир, прибывший на посадничество, склонность имел к скоплению народа и, побросав загородные хусы, боляре снова переместились в город. Оказалось, что Черешенный Бугор уже занят, причем далеко не самым приятным людом. Непрошенных поселян можно было бы выжить, но у Владимира возникли соображения управленческого порядка. Когда тати да разбойники живут в одном месте, их легче контролировать. Если их выгнать, они расползутся, как змеи или крысы, по всему городу и окрестностям, и ловить их, если придет такая нужда, будет намного труднее. За двадцать лет болярского отсутствия жилые постройки Черешенного Бугра пришли в полуразрушенное состояние, и в любом случае пришлось бы сносить всю эту рухлядь и строить новое – не проще ли сразу на новом месте? Единным указом повелел посадник приближенным и желающим стать таковыми селиться к югу и западу от детинца, а север не трогать. Так и сделали. А Черешенный Бугор так и остался во владении татей.

Идя к Черешенному Бугру, Хелье обдумывал, как отвечать тем, кто захочет к нему обратиться – лихой народ в большинстве очень общителен – и что делать, если вдруг кто-нибудь попытается их с Любовой ограбить? Неудобство хождения по улицам с женщиной состоит в ограниченности возможностей в опасной ситуации. Но им повезло – на подходе к Черешенному Бугру сделался сильный дождь, и обитатели попрятались в дома. Помимо лихого народа, жили на Черешенном Бугре и около и обычные люди. Неудобство, связанное с постоянным страхом за имущество и жизнь, компенсировалось смехотворно низкой платой за землю и никакой – за крышу.

Да, приятное место, ничего не скажешь, думала Любава. Какие-то хибарки страшнющие, грязища кругом, на улицах ни души. Куда это мы идем? Эка невозмутимо вышагивает спаситель мой.

Чего мы здесь ищем? Он хочет выяснить, кто на самом деле убил Рагнвальда. Или нет? Или хочет узнать, зачем я понадобилась тем негодьям ... и еще кому-то ... Предположим, он выяснил – зачем. Что дальше? Дальше он им всем объяснит, что ничем я им полезна быть не могу. Что ничего мне Рагнвальд не передавал. Каким образом он это сделает? Не знаю.

В тысячный раз себя спрашиваю – надежен ли он? Какая ему корысть от всего этого? Не знаю. Не знаю. Страшно. Хотя следует признать – меня пока что никто не схватил, не зарезал, не держит в порубе. Почему Яван не пошел с нами? Боится? Нет, наоборот. Вот кто и вправду надежный человек. Крепкий, глаза сверкают, рыжие волосы, волосатые кулаки. К такому на улице не всякий подойдет. И я его помню – по Константинополю. Именно он меня тогда и спас. Да. Я это сразу поняла. Надо было ему об этом сказать. Дура я неблагодарная.

Вот какой-то дом поустроеннее и побольше остальных. Кажется, спаситель намеревается зайти. Ну и льет – ничего не видно, а тут еще капюшон. Калитка. Проходим. Стучит в дверь.

А что это за хомяк дверь нам открывает? Спаситель о чем-то осведомляется. Из-за дождя и капюшона ничего не слышно.

Нас впускают в дом. Сыро и душно, но, по крайней мере, не льет сверху. Очень хочется снять капюшон, но спаситель мой строго-настрого предупредил меня, чтобы я этого не делала ни при каких обстоятельствах. Мол, я мужчина-монах, и все тут. Когда он со мной строго говорит, получается очень забавно. Делает серьезные глаза, а у самого борода еще не растет, на подбородке пушок. Дом неприбран, чувствуется, что здесь не живут, а так ... проводят день да ночь, сплетничают, спят и едят где попало. Притон. Спаситель объясняется с какими-то подозрительными типами. Мне нужно стоять рядом с ним, а не в стороне, как делают низкого происхождения жены всяких ремесленников. Дышать нечем. Влага под одеждой начинает превращаться в пар. По лицу течет. Хочется утереться, хотя бы рукавом, но нельзя приподнимать капюшон. Идем куда-то вглубь дома.

Просторное помещение, если бы не тучи за окном, было бы светло, а так – полумрак. Скамтели в беспорядке стоят, вместо стола какой-то топчан, а может лежанка, не знаю. Мужчина злобного вида, толстоватый, на одном из скамтелей. Спаситель приветствует его просто-народным поклоном, отставляя ногу. Говорят, на востоке ногу не отставляют, а так, кланяются, а ноги вместе, и кланяются низко, так, что голова оказывается на уровне пояса того, кому кланяются. На востоке строгие нравы. Впрочем, это все сплетни, мало ли кто что говорит. Я вот никого не знаю, кто сам бывал на востоке.

– Мы – княжеские посланцы, Гриб, – сказал Хелье. – Князь тобою недоволен.

– Странно, – заметил настороженно Гриб.

– Недоволен настолько, что ждать не хочет.

– Нетерпелив князь.

– Водится за ним такой грех. Имей в виду, что мы просто посланцы. Вот я на тебя смотрю, и ты мне нравишься. Так что то, что я тебе скажу – это я слова князя передаю, а сам так не думаю, даже наоборот. К примеру, вижу я, что человек ты по-своему очень честный. Своих понапрасну не обижаешь.

– Я никого понапрасну не обижаю, – поправил спасителя Гриб.

– Я тебе верю. Вот, например, пришли мы сюда, и на нас сперва косо смотрели, но мы дали понять, что есть у нас к тебе дело – и сразу нам показали, где ты обитаешь. А это значит, что в округе тебя уважают. Может, поговори ты с князем с глазу на глаз, он бы тоже проникся к тебе уважением. Может, так и надо тебе сделать – пойти к нему самому и рассудить, что к чему. А то он очень гневается.

– Почему же он гневается?

– Наверное он гневается ошибочно. Но говорит, что триста всадников готовы идти сюда и равнять с землей весь Черешенный Бугор. Это, конечно, не так – это он в гневе говорит. Не рассудил потому что. Не обращай на это внимания.

– Я и не обращаю.

– Он считает тебя виноватым перед ним. Не знаю, так это или нет. Думаю, что не так.

– Ага, – сказал Гриб, ставя ногу на скамтель и кладя подбородок на колено. – Чем же это я перед ним провинился?

– Когда мы с ним давеча говорили, сказал он мне, передай, мол, Грибу, что коли не исправит он того, что совершил, в самое скорое время, то обидит меня кровно, и не будет ему милости моей. Так и сказал.

Гриб пожал плечами.

– Что ж я такого сделал князю, не возьму в толк. Ты не врешь ли, милый человек?

– Зачем мне врать, посудите? Меня князь попросил к тебе придти и сказать все это тебе. Я у него на службе не состою, согласился просто потому, что несложно это – зайти. Мы просто по пути заглянули с братом Арсением. Брат Арсений дал обет молчания, и идем мы на паломничество, и князь об этом знает. Он спросил – каким путем идете? Я ему сказал – через Черешенный Бугор. Ага, говорит князь, так вы зайдите тогда к Грибу.

– Это все хорошо. А вот ты скажи мне, монах, что же я такого князю-то сделал, что он гневается?

– Уж не знаю, Гриб. А только грозит князь, что если не будет ему ответа от тебя скорого, то продаст он тебя ... стыдно сказать ... греку какому-нибудь, чтобы пристроил он тебя по прибытии в Константинополь ... стыдно сказать ... на галеру. Закуют в цепи, веслом махать следующие пять лет.

Глаза Гриба сверкнули. Он выпрямил спину.

– Ты не забывайся, княжий прихвостень!

– Сердится он, только и всего, – сказал Хелье, отмахиваясь. – Не думай, ничего такого не собирается он предпринимать. Но все-таки, наверное, нужно тебе что-то сделать, как-то исправить положение.

– Ты, монах, не говори, чего не знаешь. Ты не рассуждай. Ты прямо мне толкуй – что за вину мне князь приращивает, что ему нужно от меня?

– Не знаю я! – сказал Хелье, разводя руками от досады. – Что-то ты натворил такое, очень, видать, неладное. Может, украли что люди твои, не спросясь. Может, сына какого-нибудь воеводы похитили. Откуда мне знать, что в Новгороде происходит. Я не бирич и не купеческая жена, сплетнями не интересуюсь, пребываю в полном неведении. Я тебе сказал, а уж твое дело – исправлять.

– Да не знаю я, что исправлять! Ничего такого особенного не произошло за последний месяц.

– Может, кто другой чего натворил, а на тебя напраслина?

– Другой? ... – Гриб посмотрел в сторону и подумал немного. – Разве что ... да ... Свистун к нам прибыл в Новгород. Может, он?

– А кто такой Свистун?

– Ну уж нет. Не поверю я, монах, что ты не знаешь, кто такой Свистун.

Хелье пожал плечами.

– Да что ты скоморошничаете тут передо мной? Свистун. Свистун Киевский. Приехал в Новгород. Недавно.

– Не знаю я никакого Свистуна, – сказал Хелье совершенно искренне.

– Свистуна не знаешь?

– Нет.

– Либо ты врешь не очень складно, либо вы, монахи, и вправду не от мира сего. Свистун. Самый знаменитый разбойник и на Руси, и в Земле Новгородской, да и у поляков его знают.

А может Свистун мне его и подослал, этого сопляка в монашеской робе, подумал Гриб. Узнать как и что. А то и свалить что-нибудь на меня. Не просто так он в Новгород явился, замышляет что-то. Попробуем монаха поймать на слове.

– Ты вот что, монах, – сказал он. – Ты как пойдешь в Рюриков Заслон, так ты там и объясни про меня, мол, не знаю ничего, ни в чем участвовать не хочу.

– Рюриков Заслон? Это где же?

– Ну вот что, – рассердился Гриб. – Ты мне голову-то не морочь! Ты мне еще скажи, что не знаешь, где детинец находится!

– Где детинец – знаю.

– Зачем Свистун к нам пожаловал – это не мое дело. Я ему не судья. Но и помогать ему не буду, и пусть об этом знают – и он сам, и князь, и посадник.

В дверь стукнули три раза.

– Поди к лешему! – крикнул Гриб.

В помещение быстро вошел ужасно неприятного вида человек и вороватой рысью, боком, приблизился к Грибу.

– Не гневись, кормилец, – сказал он ему подхалимским тоном, косясь на монахов. – Очень важные слова скажу я тебе сейчас.

Он наклонился к уху Гриба и зашептал.

Выслушав важные слова, Гриб некоторое время размышлял, после чего поманил подхалима к себе и быстро сказал ему что-то на ухо. Подхалим поклонился и, так же как прежде косясь на монахов, боком выбежал из помещения.

Гриб уселся поудобнее на скамье, поставил локоть на колено, сжал кулак, и положил на него подбородок. Некоторое время он смотрел на Хелье, а потом перевел взгляд на Любаву.

– Это хорошо, что вы ко мне пришли, – сказал он. – Если бы вас поймали на улице, беда бы приключилась. А так все будет очень даже ... э...

– Безбедно, – подсказал Хелье.

– Обет молчания – это очень удобно, – продолжал Гриб. – Не знаю, правда, как к нему отнесется посадник наш Константин ... или Ньорор, предводитель варангских наемников ... ну, может уговорят нарушить обет. Ах, да, Хелье ... тебя ведь Хелье зовут? Противное какое имя. Польское, небось?

– Датское, – ответил Хелье.

Что он плетет, листья шуршащие, думал он, отвязывая бечевку, удерживающую сверд под робой в вертикальном положении. Откуда ему знать, зачем Любава понадобилась Ньорору. А Житнику-то она вообще ни к чему. Или к чему?

– Ну вот, датское. Дурной народ вы, датчане.

– Я не датчанин.

– Помолчи, дружок. Тебе сейчас полезнее всего помолчать. Потому как ты невелика птица, и за тебя мне никто медяшки ржавой не даст. Это спутник твой, то бишь спутница, которую беречь нужно, за нее награда обещана. А тебя можно и в расход. Ты просто сопровождающий.

– Кому именно обещана награда и кем? – спросил Хелье.

– Ага, – сказал Гриб. – Вижу, и ты не чужд корысти! Все мы, люди, одинаковы. А только не всем награду предлагают, а только тем, кто может ее заслужить.

– То есть, именно к тебе приходили люди Ньорора ... и Житника?

– Не знаю, кто такой Житник. Но, да, приходили, конечно. В Новгороде кого сыскать – это лучше моих людей не найдешь. Все знают, везде бывают.

– Как Эрик Рауде, – подсказал Хелье.

– А?

– Нет, это я так просто.

За дверью раздались шаги многих ног. В помещение вошли сразу несколько мужчин и одна женщина совершенно зверского вида, простоволосая, в богатой, явно не ею самой и не для нее купленной, одежде.

Гриб лениво повернул к ним голову, разжал кулак, нехотя вытянул указательный палец и указал им, пальцем, на то место, где только что находились двое монахов. Пришедшие завертели головами. Повернув голову обратно, Гриб вместо двух монахов увидел только

одного. Те из пришедших, у кого реакция была лучше, вознамерились было метнуться – не к монаху, но к Грибу, что его неприятно поразило – и остановились.

– Стойте, будто вас к осине привязали, – сказал голос Хелье над ухом Гриба.

В этот момент Гриб почувствовал жгучую боль на шее, справа от кадыка.

– Не двигайся, – сказал Хелье.

– Ты ... ты мне, хорла, горло порезал! Ты знаешь, что я с тобой за это сделаю?

– Темно тут, – сказал Хелье. – Не видно ничего. Был бы сегодня солнечный день, я бы так не спешил. Но ты уж не двигайся, а то ведь всерьез порежу. Как это в баяновой саге поется? ... Впрочем, не помню.

Зверского вида женщина вдруг взвизгнула и отпрыгнула от Любавы, которую собиралась взять в захват.

– Скажи им, – сказал Хелье.

– Не двигайтесь, – приказал Гриб.

– А не найдется ли у вас, люди добрые, веревки покрепче? Вон ты вот, – Хелье безошибочно определил человека с веревкой. – Ну-ка, кидай ее сюда. Мне под ноги. Не сходя с места. Локтей восемь вервия, свернутого в бундль, хлопнулось у ног Хелье.

– Теперь ступайте вон, – сказал спаситель Любавы. – Ступайте, ступайте ... – Напрягши память, он вспомнил не очень понятное ему киевское выражение. – Нечего тут.

Его поняли.

Как только лихие люди оставили помещение и встали за дверью, готовые ворваться в любой момент, Хелье кивнул Любаве. Та, чувствуя себя свободнее, чем раньше, откинула капюшон.

– Подними веревку. Иди сюда. Гриб, руки за спину заложи, будто прохаживаешься после обеда с важным видом. Быстрее.

Из надреза на шее у Гриба текла на рубаху кровь. Любава, уяснив положение, начала связывать ему руки.

– Туже, – сказал Хелье. – Чай не гашником подпоясываешься. Еще туже. Узел сделай. Хорошо. Где там у тебя нож. Приставь ему к горлу.

Стянув монашью робу через голову, Хелье вложил в ножны сверд и продолжил там, где Любава оставила работу – обмотав руки Гриба от запястий до локтей, он быстро соорудил несколько замысловатых гаммеллюндских узлов.

– Вставай, – сказал он.

– Что это ты задумал? – спросил Гриб, оглядывая запачканную кровью рубаху.

– Не волнуйся, все не так плохо, – заверил его Хелье. – Кровь я тебе остановлю. Да и не умирают от таких царапин. Лезем в окно. Любава, подбери мою робу, пригодится.

Хелье скользнул в окно, держа Гриба за рубаху. Гриб подумал, не метнуться ли в сторону, но почувствовал, что сзади к спине ему приставили нож. Пришлось перекидывать ногу через подоконник.

– Быстрее, – сказал Хелье.

Вытащив Гриба наружу, под дождь, Хелье снова вынул сверд.

Идти к калитке было не с руки – там их наверняка ждали. Хелье направился прямо к забору, таща Гриба за собой. Любава следовала сразу за Грибом, держа нож наготове. В два взмаха Хелье перерубил жилки плетня, соединяющие секции забора, и повалил одну из секций ударом ноги.

– Любава, вперед, – сказал он.

И весьма кстати. Как только Любава, опередив Хелье и Гриба, оказалась за забором, по двору к ним побежали четверо, у одного из них был в руке лук.

– Скажи им, чтоб шли обратно, – сказал Хелье. – Не до шуток.

– Стойте! Идите обратно! – крикнул Гриб. – Потом посчитаемся.

Хелье ничего на это не сказал, но, прикрываясь Грибом, стал отступать задом в проем, и заставляя Гриба двигаться, тоже задом.

– Через улицу, вон в те заросли, – сказал Хелье Любаве.

Почти бегом они пересекли улицу, проскочили между заборов, и оказались если не в лесу, то в прилесье. Собственно лес начинался чуть дальше. Хелье прислонил Гриба к дереву. Оторвав кусок от рубахи Гриба, он приложил его к шее главаря новгородских лихих людей, отнял, посмотрел, снова приложил.

– Любава, сорви-ка мне подорожник, – сказал он.

Любава оглянулась по сторонам, увидела искомое растение, наклонилась, сорвала, и протянула Хелье. Воткнув сверд в землю рядом с собой, Хелье приложил влажный подорожник к неглубокой ране, некоторое время подержал, а затем обмотал шею Гриба лоскутом, укрепив его по гоммеллюндскому методу.

– Заживет, – сказал он.

И в этот момент Гриб ударил его коленом в пах. То есть, он думал, что бьет коленом в пах. Через мгновение тупая боль в ребрах превратилась в острую, терзающую, и заставила разбойника зарычать. Он тут же умолк – Хелье, потеряв терпение, въехал ему локтем в полуоткрытый рот.

– С ... х ... – сказал Гриб, выплевывая осколок зуба и кровавую слюну.

Ох, кровищи сколько, подумала Любава. И мокро как. А спаситель мой – парень не из пугливых.

– Я тебе, Гриб, так скажу, – сказал Хелье зло. – Мне ровно ничего не стоит тебя сейчас прирезать. Поскольку терять мне нечего. И я знаю, что как только тебя здесь найдут и освободят, ты будешь меня искать по всей округе. И тем не менее, резать я тебя не желаю. Но дернись еще раз – тогда всякое может произойти. Потому не к спеху мне сейчас.

Оторвав еще кусок от рубахи Гриба, он быстро свернул его в жгут и, прислонив Гриба спиной к стволу осины, привязал его к ней. Оценив поглядывая на композицию, он оторвал еще лоскут, и тоже скрутил в жгут – но пошире. Этот жгут он повязал вокруг головы Гриба, закрыв ему рот.

– Найдут тебя скоро, – сказал он. – Надо было бы тебя отвести дальше в лес, но там могут быть медведи, волки, да и люди не все хороши бывают. Нашел бы тебя кто-то из обиженных тобою, знаешь, небось, чем дело бы кончилось.

Выдрав из земли сверд, Хелье вложил его в ножны и, увлекая за собой Любаву, углубился в лес.

Дождь все усиливался.

– Стало быть, – рассуждал Хелье вслух, – тебя нынче ищут все, кому не лень. И меня тоже. Беда в том, что скрываться мне сейчас не очень-то можно. Некогда. Дело есть. С собой таскать я тебя не могу, как видишь. Тебя нужно спрятать. Где бы тебя спрятать?

Любава и сама видела, что связывает его, мешает действиям. Страх ее смягчился, не ходил больше перекатами по телу, не стучал в висках, а только давил слегка, вызывая легкую тошноту и желание говорить глупости.

– А сколько тебе понадобится времени, чтобы? ... – спросила Любава.

– Я думаю, около суток. Ну, может, двое суток. Не больше.

– А...

– А если не получится, то мы с тобою куда-нибудь уедем. Другого выхода нет. Можно в Сигтуну, но там нынче ... неприятно. Эймунд там. А он меня не любит. А в Корсуни очень хорошо. Ты была когда-нибудь в Корсуни?

Любава представила себе, что будет, если не получится. Несправедливо это! Сплошные несчастья, со всеми, кто к ней прикасается. Вот и Детин – запаса его удачливости только и хватило на два месяца.

... в Корсуни? – настаивал Хелье.

– Проездом.

– Понравилось?

– Не успела разобраться. Очень быстро мы оттуда уехали.

– А мне ужасно понравилось. Народ там, правда, вполне лихой бывает. Но ко всему привыкаешь. Там почти все откуда-то сбежали. Впрочем, долго так продолжаться не может, наверное ... в Новгороде. Что-то изменится очень скоро.

– А Киев?

– А в Киев я не поеду, – твердо сказал Хелье. – Хватит с меня Киева. Хороший город, конечно, красивый такой, люди разные всякие. Но, во-первых, в Киеве мне нынче опаснее, чем в Новгороде. А во-вторых ... впрочем, что об этом говорить. Где бы тебя спрятать? Вот не осталась с Яваном – вот и глупо. Яван бы тебя сберег, он человек верный. И спрятал бы тебя, и не знала бы ты забот. А теперь к нему нельзя – в городе нас ждут. Двух монахов.

– Есть у меня подруга, – сказала Любава. – Белянка. Она недалеко отсюда живет. Мы с нею недавно виделись, на состязаниях. И потом несколько раз встречались в Новгороде.

– Недалеко – это где же?

– Как называется то место, где сейчас Ярослав с женой живут?

– Верхние Сосны.

– Вот оттуда четыре аржи.

– Ничего себе недалеко. Если пешком, да в такой дождь, да кружным путем – это дня полтора мы с тобой отшагаем, не меньше.

– Ну, не знаю тогда.

Некоторое время спаситель раздумывал, по-детски морща лоб.

– Надо идти ... к ней ... как ее зовут, подругу твою? – сказал он наконец.

– Не хочешь – не надо, – Любава все-таки решила обидеться.

– Да выхода нет.

– Ничего.

– Не в лесу же тебя оставлять.

– Оставь. Меня все оставляют.

Хелье слегка оторопел от такого заявления. Остановившись, он некоторое время посвятил разглядыванию Любавы. Ростом она была выше среднего. Волосы из-за дождя потемнели, облепили голову и лицо. Узкие пальцы торчали из широких рукавов монашеской робы. Шея показалась ему тонкой – но не лебединой, а как у котенка, которого окатили водой. Хрупкая женщина Любава. Раньше – даже тогда, в трюме пиратского судна, она казалась ему ширококостной, крепкой бабой. Дождь смыл иллюзию.

– Не дури, Любава, – сказал Хелье. – Пойдем. Как подругу зовут?

– Белянка.

– Пойдем к Белянке. Может, найдем что-нибудь по пути, какое-нибудь перевозочное средство. Поймаем медведя, я его запрягу.

– Здесь медведи водятся?

– А как же.

– Замечательно.

– Ничего, они теперь сытые. Лето все-таки.

– А ночью?

– Что ночью?

– Ночью тоже сытые?

– Ночью мы куда-нибудь спрячемся. При мне сверд. В крайнем случае, разведем огонь, будем медведей искрами пугать.

– А волки здесь тоже есть?

– Здесь всякое есть. Но ты не волнуйся так. Разозлил меня Гриб, разозлил так, что я теперь сам любого медведя напугаю до горячки.

Она не выдержала – засмеялась. Юношеское бахвальство – всегда забавно.

– Нечего ржать, – сказал Хелье, слегка обидевшись. – Ровно ничего смешного сказано не было, чего ты ржешь.

Но она все равно смеялась, и это как-то разрядило обстановку. И она поцеловала его в щеку, что совершенно его смутило.

– Спасибо тебе, – сказала она. – Пойдем к Белянке.

Хелье еще постоял, подозрительно глядя на Любаву, пожал плечами, огляделся, определился по частям света, и, кивнув, зашагал на север. Беглецы от новгородской правды углубились в лес.

Глава девятая. В лесу

Леса Новгородского Славланда в то время многим походили на скандинавские – на Кольмерден и Тильског. Население – живность, люд, и, по желанию, нежить, естественно. На шестой арже от Новгорода встретился Хелье и Любаве старый массив, с прогнившими стволами, чахлыми листьями, где под ногами скрипело, трещало, хрупало, пружинило, деревья стояли редко, живности было мало. Не теряя даром времени, Хелье, взяв у Любавы нож, срезал понравившуюся ему длинную ветку, обстругал ее по всем правилам, заточил, отрезал от подола своей рубахи длинную полосу и утяжелил ею конец.

Вскоре старый, гнилой лес кончился, начался бор, сделалось темно и тоскливо. Дождь, правда, перестал. И то благо.

Необычный он все-таки, думала Любава, шагая рядом с Хелье и чувствуя не без хвоеволия, как согреваются замерзшие было от мокроты ноги, как тело оживает, как легко бежит по жилам кровь, как слушаются мускулы и подчиняются воле суставы. Необычный, странный. Не зря он дружит с Яваном – они чем-то похожи. И если бы он был там, в Константинополе, на месте Явана – возможно, так же спас бы меня. Как эти мужчины не похожи на Детина – медлительного, рассудительного домоседа. Бедный Детин – не сладко ему теперь, посадили его в яму. И ничем я не могу ему помочь. А ведь он мне помог. А я вот – не могу ему помочь. Я даже себе не могу помочь. Думала я – никому я не нужна, ан нет, вон сколько людей мне помогают. Сейчас еще и Белянку обяжем. А вдруг она нам откажет? Нет, не может Белянка отказать. Она хорошая. Наверное. Муж у нее строгий очень только. Но это ничего. Мужа она уговорит.

– Так мы и не добились от Гриба ... не дознались ... не вывели, что хотели узнать, – сказала она полувопросительно.

– А? Почему же это? Вывели, – сказал Хелье, думая о чем-то другом.

– Но как же ... ведь он не...

– Гриб сказал все, что нужно.

Она хорошо помнила разговор.

– Может, я не расслышала?

– Расслышала, только не поняла.

– А ты понял?

– Да.

– Что же ты понял?

– Нужно еще кое о чем подумать.

Помявшись, она все-таки спросила, —

– И ты знаешь, почему ... зачем я им всем нужна?

– Это как сказать, – ответил он уклончиво.

Нет, он не врет, подумала она. Чего-то я не уловила в их разговоре.

– Ты поэтому его не ...?

– Не прирезал? Из благодарности? – Хелье засмеялся. – Нет, не поэтому.

– Нет?

– Нет.

– А почему же?

– Заповедь есть такая.

– Заповедь?

– Ну конечно. Заповедь.

– Какая заповедь?

– Не убий. Это из Библии. Есть такая книга интересная. Фолиант такой.

– Я знаю, что такое Библия, – сказала Любава строго.

– Чего ж спрашиваешь?

– Потому что как-то странно.

– Что странно?

– Ты не зарезал его, потому что есть такая заповедь?

– Да.

Через двадцать шагов она спросила, —

– Но ведь ты, вроде ... воин? Бывший ратник? Не так ли?

– Вроде бы да. Впрочем, нет, ратником я никогда не был.

– Но сверд ты носишь.

– Да. Ношу.

– И в то же время говоришь, что есть заповедь, и ты ее, заповедь, чтить.

– Чту.

– Всегда?

– Почти всегда. Бывает, что-то происходит помимо моей воли. И вообще я не ангел.

– Не понимаю я что-то, – сказала она серьезно.

– Да, это сложно, – согласился Хелье. – Я сам, честно говоря, не очень понимаю. Но я стараюсь. Это как с ревностью.

Помолчав, Любава все-таки потребовала разъяснения.

– Я знаю, что ревность – нехорошее чувство, – сказал Хелье. – Противное. Сродни зависти, наверное. Стало быть, был у меня друг хороший. Даже очень хороший. Однажды он мне жизнь спас. И еще кое-кому. Сам чуть не погиб при этом. А только стала одна ... хмм ... особа ... хорла одна ... ходить к нему домой. Повадилась.

Это было забавно. Попривыкшая и освоившаяся Любава чуть не засмеялась.

– А должна была ходить к тебе? – спросила она, делая серьезное лицо.

– Да, – серьезно ответил Хелье. – А что? Я ведь не урод какой. И происхождением я не хуже ... а может хуже ... не знаю, да и не важно это! И с тех пор я не знаю, что о друге моем думать. Неприятен он мне стал.

– А ты его видел с тех пор, как она к нему стала ходить?

– Нет.

– Не хочешь видеть?

– Он далеко.

– И она тоже?

– Да. Она тоже. Отстань. Ну так вот. Не знаю я, что думать. И что делать. Кстати говоря – с заповедью оно проще. Не убий – и все. А тут – не знаю.

– А ты ее до сих пор любишь?

– Тоже не знаю. Возможно.

Хелье посмотрел на Любаву, и ей пришлось отвести глаза. Отведя их, она вдруг увидела медведя. Медведь стоял возле дерева и с любопытством смотрел на путников.

– Хелье, – сказала Любава.

Хелье посмотрел.

– Не обращай внимания, – сказал он. – Мы его не трогаем, и он нас не тронет. Он просто так, наблюдает. Сытый он. Вот если бы медведица попалась с детьми, тогда дело плохо. А этот – пусть.

И действительно, медведь не пошел за ними, а заинтересовался какой-то белкой, или еще чем-то, шибуршащим в ветвях неподалеку.

Вскоре им попался ручей, и Хелье заставил Любаву, которая не хотела пить, напиться впрок.

– Неизвестно, когда будет следующий, – объяснил он наставительно.

Затем Любаве захотелось ссать, и она долго стеснялась и не решалась рассказать об этом Хелье. Но в конце концов потянула его за рукав.

– Мне нужно, – сказала она.

– Сколько угодно, – сказал он. – Не удаляйся от этого дерева. Я сейчас вернусь.

– Ты куда?!

– Сейчас вернусь. Не бойся. Я зайца заметил.

Было ужасно неудобно и немного боязно. Хорошо мужчинам – им только порты приспустить да рубаху задрать. А тут присядешь, а кто-нибудь из кустов выскочит и хватать зубами за голый арсель. Впрочем, вокруг было спокойно. И Хелье вернулся почти тут же, как обещал – держа за уши убитого зайца.

– Ой, зачем ты его убил, – спросила Любава с сожалением. – Смотри какой он. Жалко его.

Хелье молча взял у нее свою монашескую робу, которую она все это время несла, соорудил подобие мешка, и сунул туда зайца.

Где-то в Таврии Базиль Второй с небольшой армией, укрепленной отрядом, посланным ему из Киева Святополком, ищущим поддержки у Византии, громил последнего хазарского кагана Георгия Цула. Норманны, сговорившись с толстым Олавом, недавно сватавшимся к Ингегерд, вошли в Сицилию. Эдмунд Второй и Каньют Датский делили Англию.

Двое беглецов пробирались новгородским лесом, зорко смотря по сторонам – нет ли ровдиров, или лихих людей, или змей – ища убежища, поскольку небо начинало темнеть.

В конце концов Хелье, заметив какие-то сурового вида большие камни возле холма, решил устраиваться на ночлег. Неподалеку располагалось болото, и это было неприятно, но тянуть было нельзя.

За камнями обнаружилось что-то вроде расщелины, вполне пригодной для укрытия. Быстро собрав хвойных веток и мха, Хелье добавил сухой лоскут, оторвав его от рукава рубахи, и вскоре под восхищенным взглядом Любавы умудрился развести огонь. Тут же, импровизируя, соорудил он две держалки и почти прямой вертел из веток, освежевал ножом зайца, насадил его на вертел, и велел Любаве поворачивать его над огнем. Сперва она отказывалась, но вскоре, почувствовав, что очень голодна, согласилась. Хелье выжал мокрую свою шапку, положил рядом с огнем, разложил робу на камне возле огня и сказал, что будет прохаживаться вокруг, поскольку треск костра мешает ему слушать местность. Она не поняла, но кивнула.

Отойдя шагов на пятьдесят, Хелье стал слушать.

Давно он этим не занимался. В Старой Роще он был одним из лучших в этом деле и мог определить приближение посторонних за две аржи. С тех пор умение его притупилось, но все-таки кое-что он слышал и чувствовал. Болото находилось – триста с небольшим шагов к западу. Волхов – около трех аржей на восток. Какая-то живность, не очень страшная, подступает с юго-запада – как подступает, так и отступит. Белки все попрятались. Волков, вроде бы, нет в данный момент. Медведь – пол-аржи к северу, мирный. Людей нет. С болота, правда, доносятся какие-то подозрительные звуки, но болота всегда такие – непонятные.

Еще немного подождя и послушав, Хелье вернулся к костру.

– Слушай, Любава, – сказал он. – А у Рагнвальда были близкие родственники?

– Да, – ответила она. – Сводный брат у него есть. Вроде бы, служит при Константине.

– А зовут его как?

– Не помню. Раньше, кажется, он жил в Киеве, но зимой перебрался к нам.

Жалость к зайцу совершенно у нее пропала – Любава терзала зубами мясо, жадно сдирая его с костей, говорила «хмм», облизывала пальцы. Хелье ел спокойно, со знанием дела. Подождя, пока Любава закончит трапезу, велел он ей отодвинуться поглубже в расщелину.

Ну, какая холодина, думала Любава, привставая, одергивая влажную робу, отодвигаясь вглубь, и снова присаживаясь на влажную же землю. Гладкий камень за спиной дышал холодом,

влажная одежда впитывала ледяной воздух. Застучали зубы. Околою, это точно, решила она. Если сейчас еще и дождь пойдет – точно околою.

– Встань-ка, – сказал Хелье. – Вставай, вставай.

Любава встала.

– Сними с себя робу и надень эту. Не зря ж я ее у костра сушил.

– А ты?

– Быстрее, пока она теплая.

Любава стянула робу. В это время подул легкий ветерок – и пробрал ее до костей. Некоторое время Любава не могла попасть руками в рукава теплой робы.

– Теперь эту, сверху, – сказал Хелье.

Она не возражала, а только посмотрела виновато. Хелье усмехнулся.

– Не бойся, болярыня, – сказал он. – Смоленская кровь, шведское воспитание. И не такое видели. Авось не помру.

В двух робах, Любава снова присела в расщелине, и тут к ее неудовольствию Хелье затушил романтический костер, затоптал, потряс над тлеющими сучьями веткой, так что брызги залили последнее тление. Остался, правда, запах, но запах во влажном лесу менее опасен, чем свет, который видно на аржи вокруг.

– Позволь мне рядом с тобою присесть, болярыня, – сказал Хелье, ошупью пробираясь в расщелину.

Пристроившись, он обхватил руками колени, уткнулся лбом, и стал считать до ста.

Замерзнет, это точно, подумала Любава. Да и я замерзну. Эка зубы стучат, несмотря на две робы. Холодное нынче лето. Надо бы к нему прижаться, пока он теплый.

Она заерзала, передвигаясь к нему, переустроилась, осторожно повела рукой, наткнулась на его голову, ошупью нашла спину – влажная сленгкаппа, под ней тонкая рубаха. Не убирая руку с его спины, Любава придвинулась к Хелье вплотную, обняла его за плечи. Он поднял голову и убрал руки с колен. Она склонилась ему на плечо, стуча зубами.

Стянув с нее капюшон, Хелье надел ей на голову свою шапку с киевским околышем, и наверняка умилился бы, так захорошела она в его шапке, если бы мог что-нибудь разглядеть впотьмах. Рукой и предплечьем он потер ей плечи и спину. Потрогал ей руку выше запястья. Ледяная.

Это было опасно. От ночной влажной простуды, если сразу не пойти в баню, можно запросто слечь, и даже умереть. Хелье снял перевязь и положил сверд в ножнах у ног.

– Вставай, – сказал он.

Любава, дрожа и стуча зубами, встала.

– Снимай робу.

Он помог ей снять ее, влажную еще, робу, на ошупь находя края и рукава.

– Теперь не двигайся. Осторожно. Не двигайся, тебе говорят!

Он нащупал ворот у нее под подбородком и в несколько приемов разрезал робу ножом – сверху донизу. Первую робу он разложил на земле. Присев на нее, предварительно скинув сленгкаппу, упервшись плечом в камень, он сказал Любаве —

– Садись.

Пока она осторожно опускалась ему на колени, он придерживал ей робу и поневу, так, что она села не на них, а на порты. Хелье прижался плотнее и закрыл Любаву и себя бортами импровизированного плаща. Одним плечом прислонясь к камню для равновесия, он потянул на себя сленгкаппу и дополнительно укрыл – себя и спутницу.

Кожу их разделяла теперь только ткань рубах. Сразу стало теплее. Еще немного постучав зубами, Любава почувствовала, как тепло мягко разливается по телу. Хелье тер ей ладонью то плечи, то спину, то бедра, то колени. Стало хорошо и уютно. Чувствуя щекой его дыхание, она чуть повернула голову и поцеловала его в губы.

Некоторое время они целовались – легко и медленно. Стараясь не упустить тепло, не дать его рукам остановится, Любава сама развязала на себе гашник. Неспеша они возились с рубахами и портами, не прерывая поцелуев. Возбуждение у обоих было настолько сильным, что даже неудобство позы не задержало их долго. Умудрившись не приподнять разрезанную робу и не дать доступ влажному холоду, Хелье передвинулся спиной к стене, а Любава, поддерживаемая им за талию, перекинула одну ногу и легко и мягко приняла его в себя. Опыта любви с молодыми мужчинами у нее не было никакого. По слухам она знала, что они, вроде бы, очень спешат. Но Хелье никуда не спешил, заботился о ее удобстве, гладил ей грудь, искал губами через тонкую рубаху затвердевший сосок, проводил щекой ей по шее. Прошло какое-то время. Хелье задыхался часто, несколько хриплых криков вылетело у него изо рта, он быстро задвигался, а потом замер. Она подумала, что нужно бы теперь слезть с него, но он ее не отпустил и не освободил. Она удивилась, но удивление было приятным. Ей было хорошо. Скоро ей стало еще лучше. И Хелье снова задвигался под ней, и она старалась двигаться ему в такт. И снова прошло много времени, больше, чем раньше. А потом время куда-то потерялось. Любаве становилось лучше и лучше. Легкий стон сорвался с ее губ и удивил ее несказанно. Затем она сама участвовала движения, и стоны стали вырываться у нее один за другим, громче, резче, выше нотой, и вскоре, дрожа всем уже не теплым, но горячим, телом, Любава издала пронзительный крик, и повторила его – на более высокой ноте. Сколько времени длились ее крики, она не знала. И только успокоившись немного и прижимаясь к Хелье, поняла она вдруг, что стала в эту ночь женщиной. На самом деле.

Памятью о склонности славянских женщин плакать после оргазма, Хелье ждал слез и был готов вытирать их сухими горячими ладонями. Но Любава не плакала. Она была слишком поражена, и ей было слишком хорошо. По-детски обняв Хелье за шею, предплечьями, она потерлась щекой о его щеку.

Проснувшись Любава с первыми лучами лесного рассвета. Было прохладно, но небо, видное из расщелины, сияло прозрачной синевой. Осторожно освободившись от объятий Хелье, вышла она наружу, потянулась, зевнула, поводила языком по зубам, чувствуя горечь во рту, поискала глазами и нашла молодую сосну. Хелье еще некоторое время дремал, а затем тоже вылез на свет – хмурый, невыспавшийся.

– Рано поднялась, болярыня, – заметил он. – Надо бы еще поспать.

– Так поспи.

– Холодно. А с тобою было тепло.

Она заставила себя не оглянуться.

В дупле повалившегося дерева стояла вода и отражалось небо, но Хелье не позволил Любаве оттуда пить.

– Почему?

– Превратишься в козу и будешь бляеть, – сказал он, вспомнив какой-то, кажется ладожский, сюжет.

Оказалось, что воду нужно пить с лопухов и вообще любых листьев, если они не червивые и дятлами не обосранные. Любаву это развеселило. Один лист, с которого она стряхнула несколько капель себе в рот, все-таки оказался червивым, но в козу она не превратилась. Впрочем, возможно на листья капризные метаморфозы не распространялись.

– Пойдем, что ли, – сказал Хелье, завязывая гашник. – Ноги не болят?

Хоть бы поцеловал, что ли, подумала она.

– Не болят, – ответила она сварливо.

Ноги у нее основательно натерлись и болели зверски. И вскоре Хелье это понял.

– Стой, – сказал он. – Иди сюда.

В яме, которую он умудрился углядеть под покровом хвои и листьев, стояла вода. Вообще поверхность в лесу весьма неровная, с колдобинами, неожиданными ямами, холми-

ками, скользкими спусками – но Любава не задавалась вопросом – почему за весь вчерашний переход они ни разу не споткнулись, не поскользнулись, не провалились в яму, не наскочили на болото.

– Садись, – сказал Хелье. – Вот тут.

– Сыро, – пожаловалась Любава.

– Ничего. На тебе две робы. Кроме того, скоро станет тепло.

Она присела возле ямы.

– Давай ногу.

– Нет.

– Давай, тебе говорят.

Он бесцеремонно схватил ее за левую ногу и стащил с этой ноги сапог. Натерто было не просто основательно, но в кровь. Любаве стало жалко своих ног. Как мне не везет, подумала она, бедные мои ножки. И заплакала.

Хелье макнул ее ногу в воду, отчего Любава вскрикнула и попыталась отползти от ямы, но он держал ее крепко. Смочив край рубахи, он вытер – сперва там, где кожа оказалась больше всего воспалена или содрана, несмотря на шипение и вскрики Любавы, затем, медленнее и тщательнее, во всех других местах. Обложив ногу листьями, он отрезал от рубахи широкую полосу и замотал ей ногу поверх листьев. Любава шипела, морщила лицо, судорожно закрывала глаза. Хелье сначала взял ее за правую ногу, а уж потом отпустил левую.

– Тише ты, – сказал он. – А то здесь неподалеку медведь перемещается в поисках медвежьего пропитания, так ежели услышит, то прибежит сюда и тебя съест.

Она засмеялась и вытерла лицо тыльной стороной руки. Правая нога оказалась стерта меньше левой.

– Ты умеешь растопыривать пальцы на ногах? – спросил Хелье.

– Умею. Вот.

Она растопырила пальцы. Хелье признал, что пальцы у Любавы красивые, но не сказал ей об этом, а только тщательно протер влажной рубахой между ними, поразглядывал подошву, оторвал еще лоскут от края рубахи, наложил листья, обмотал.

– Еще я умею шевелить ушами, – сказала Любава.

– Надевай сапоги, только осторожнее, – откликнулся Хелье, поднимаясь на ноги. – Пойдем. Сперва будет больно, но скоро пройдет.

Глава десятая. В доме болярина Викулы

Земли болярина обширны были и содержались в строжайшем порядке, а холопы в страхе и почтении. Статен и представителен был Викула, сын знаменитого воина, верного соратника князя Владимира со времен новгородского посадничества, павшего в бою двадцать лет назад. Роду Викула был древнего, родословную имел, начало берущую от основателей Новгорода. Сам пока что ни разу не воевал, не пришлось, но осанку и образ мыслей имел воинские. Помимо этого, умел он, как говорили злые языки, безошибочно отделять настоящее от временного, и когда вернувшийся из Сигтуны Ярослав, вместо того, чтобы занять с молодой женой палаты в детинце, неожиданно задержался в Верхних Соснах, Викула тут же вспомнил, что совсем неподалеку от Верхних Сосен, в четырех аржах всего, имеется у него загородный хус. Два десятка умельцев привели хус в надлежащий и подобающий вид, обставили предметами, достойными боярского взора, сколотили за хусом стойла, обновили забор, и вскоре въехал Викула в загородную резиденцию с женою Белянкой и свитой в полном составе. И не зря. Всего лишь через три дня после переезда посетил болярина сам князь Ярослав в сопровождении лишь двух приближенных. Они и ранее были знакомы – Викула с Ярославом – но как-то мельком. А тут вдруг за разговорами провели остаток дня и потом всю ночь. Князь уехал под утро в хорошем настроении, а Викула, пристраиваясь на ложе к теплому боку сонной жены, довольным тоном рассуждал о том, какой Ярослав прямой и благородный, и какое большое участие принимает в жизни бояр. Белянка мычала сквозь сон, не очень одобрительно, но женщины всегда так – не сразу понимают.

Через неделю Ярослав снова посетил Викулу, на этот раз без сопровождающих. И стал наведываться к болярину регулярно.

– Жалко мне князя, Белянка, – говорил Викула, поглаживая окладистую бороду. – Такой прямодушный, такой добрый, а нету ему счастья, не властвовать ему. В Киеве Святополк, в Новгороде Константин. – Понижая голос, добавлял Викула, – Не поладил Ярослав с волхвами вовремя, вот что. Теперь уж поздно. А то бы владеть ему всеми землями славянскими.

Белянка кивала, изображая время от времени одобрение и заинтересованность. Была она женщина пышнотелая, с кожей гладкой, плечами пухлыми, и только глаза ее, совсем недавно такие ясные, стали тускнеть. Впрочем, не до конца, и былой блеск возникал в них иногда, особенно в отсутствие мужа. Политические перемещения на территориях занимали ее мало, зато проводить время в Верхних Соснах, принимая участие в гуляниях в Валхалле, ей ужасно нравилось. Многие мужчины смотрели на нее с вождением, а женщины с неодобрением. Муж во время таких гуляний немного ее стеснял степенностью своею и вообще присутствием, но в большинстве случаев весело было. И с юной княгиней познакомилась Белянка – но как-то не заладилась у них дружба, а впоследствии, видя, как щебечет беременная княгиня, и как радуются ее щебету и стар и млад, и вовсе разочаровалась в ней Белянка. Нельзя всем нравиться – только пустые да никчемные всем нравятся.

Долгое время Белянка тосковала по своей подруге Любаве, которую муж увез странствовать, а тут вдруг вернулась Любава, без мужа, послонялась, помыкалась, и пристроилась к купцу, да захорошела, да стала появляться – то на торге, то в церкви, то на единоборствах! После встречи на единоборствах Викула отчитал жену.

– Как не стыдно тебе! Для того ли женился я на тебе, чтобы ты с потаскухами зналась!

– Она не потаскуха! – возразила Белянка.

– Молчи! Не позорь меня, жена, не то плохо тебе будет. Не позорь.

– Да чем же я тебя позорю?

– Не для того я взял тебя в дом свой, чтобы с купеческой подстилкой знаться тебе! Не для того!

– Мучитель, – тихо и твердо сказала Белянка.

– А? Что?

– Мучитель, – повторила она, глядя на него тусклыми глазами и кривя презрительно губы.

Вот ведь что бывает, когда с потаскухами-то путаются, подумал Викула. Два года прожили душа в душу, тихая была, а тут – на тебе. Перечит. Что ж и делать-то теперь? Дать ей, что ли, с размаху по пухлой щеке?

– Ты что же это, – спросил он. – Никак грубить вздумала?

Белянка демонстративно отвернулась. Викула прошелся по гриднице, собираясь с мыслями. Ведь не понимает она, подумал он. А если ей разъяснить, что подружка ее хорла, так увидит правду-то, и прощения попросит.

– Ты меня, жена, послушай, – сказал он. – Ну вот к примеру, почему увез ее муж, знаешь ли? Не знаешь. Потому, что арселем она в Новгороде крутила, путалась кое с кем.

– Ничего ты не знаешь, – сказала Белянка, не глядя на него.

– Знаю. А вернулась она – и что же? К купцу в сожительницы пошла!

– Мучитель! – твердо сказала Белянка. – Ишь какой, осуждает он! Был бы ты на ее месте!

– Ты не болтай-то попусту! – рассердился Викула. – Что ты болтаешь языком-то своим лишайным! Ей к брату ее пойти следовало! Не оставил бы ее брат без крова. Но нет, под купцом-то лежать – слаще оно! А позору-то, позору! И на брата тоже. Хорла она самая обыкновенная.

– Аспид у нее брат! Отказал он ей!

– Это она тебе сама сказала?

– А хоть бы и сама! Аспид он, и ты тоже аспид.

Викула побагровел, но через некоторое время взял себя в руки. С женщиной препираться – себя унижать. Женщины – те же дети, их следует учить и содержать в строгости. Разумный подход – вот что отличает людей обстоятельных, потомков древних родов, от выскочек и самозванцев. Нужно рассуждать степенно и убедительно, тогда она поймет.

– Не верь ты ей, жена, не верь, – сказал он степенно. – Сама она беспутная, и тебя с пути сведет, позору-то не оберешься. Купец-то небось рад-радешенек, что древний род обесчестил. А, холопые семя, подумать только! Еще отец его укуп был, а дед и вовсе холоп, самый настоящий. Наворовал он денег, обобрал народ честной, последние рубахи снимал с люда, одни гашники остались, так теперь за нас, за потомков древних родов, взялся. Уговор у него есть с Константином, – сказал Викула, понижая снова голос. – Константин-то сам не велика птица, сын Добрыни-кровопийцы, а Добрыня-то из холопов происходил. Будут холопы править Землею Новгородской, помяни слова мои, Белянка. И рад бы я на Ярослава надеяться, да слаб наш посадник. Добрый он, но слабый. Да ты не слушаешь.

Она не слушала, и надежды на то, что она помянет когда-нибудь его слова, было мало. Не видят женщины главного, не понимают важного. То есть, не может быть, конечно, чтобы ей было совершенно все равно, что холопы будут править, это никому не может быть все равно, даже женщине, а просто не верит она, что такое будет. Думает она, Белянка, что пока есть Ярослав здесь да Святополк в Киеве да Болеслав в Гнезно – никакие холопы к власти не придут. Но ведь холопы хитрые, и этого она в толк взять не может.

А собрался Викула на охоту на тура с одним из своих псковских двоюродных братьев – они всегда встречались в это время года, и охотились в Травяной Лощине, как раз между Новгородом и Псковом. Собрался он ближе к вечеру, и вся челядь собралась, а Белянка с ними не поехала, обидевшись и запершись у себя в опочивальне. Викула, как ни объяснял, как ни втолковывал ей через запертую дверь, что родственные связи следует поддерживать, ничего не хотела понимать Белянка. И уехал Викула с челядью, а Белянке оставил служанку и Кира-холопа. А как отбыл он, метнулась Белянка, поневу придерживая, босоногая, простоволосая,

прямо в пристройку, к Киру, парню молодому, с рожею хитрой, и, некоторое время спустя, дыша глубоко, расслабленно, на спине лежа, бедро пухлое поперек кирова живота протянув, говорила тихо, не очень злобно, —

– Опостылел он мне, Кир. Опостылел. Изведет он меня, безутешную, либо я его изведу, но дальше так не может, хорла, продолжаться, никакой моей моченьки нету, никакой, хорла.

А Кир, глядя хозяйкину пышную грудь, вставлял равнодушно время от времени слова утешительные, —

– Что ты, что ты, Белянка. Ты, хозяйшюка, не серчай так восторженно. Не серчай, а то беда спонебратится.

Скрипнула в палисаднике калитка. Белянка, встрепенувшись и мгновенно собравшись с мыслями и силами, вскинула ноги к потолку, почти перевернулась через себя, слетела с ложа, приземлилась босыми ногами, на удивление ловкими и упругими при полном теле, на гладкий земляной пол. Забыл чего аспид, вернулся? Или ехать раздумал? Быстро расправила рубаху, быстро надела ее через голову. Понева. Гашник. О том, чтобы незаметно проскользнуть в дом, речи не было – лицо, руки, тело, глаза – все в ней говорило о только что состоявшемся половом акте. Нет, нужно незаметно уходить прочь, в лес, к ручью, и там приводить себя в порядок. А потом вернуться и сказать, что совершила прогулку под луной, хотя никакой луны сегодня нет, сегодня новолуние. Нет, не новолуние – новолуние было три дня назад.

Кир, прислушивавшийся в это время к голосам в палисаднике, сделал ей знак рукой и помотал головой. Белянка вскинула брови.

– То не болярин, – сказал Кир. – Там двое, парень и женщина. Не знаю их.

В дверь дома стучали. Белянка приникла ухом к двери пристройки. Служанка кричала в это время «Кто там!»

В этот момент проснулся и грозно залаял цепной пес. Длина цепи позволяла ему приблизиться к крыльцу.

– Мы к Белянке! – раздался женский голос. – Скажи ей, что подруга хочет ее видеть!

Белянка вышла из пристройки, окликнула пса, который не желал униматься, потянула за цепь, и сказала —

– Вечер добрый!

– Добрый, – откликнулась Любава. – Устали мы, Белянка. Пригласи нас в дом.

Белянка оглядела гостей.

– Конечно, – сказала она радостно и облегченно. – Дура, открой дверь! Гости к нам.

Служанка завозилась с засовом. Дверь, скрипнув, отворилась.

– Сколько раз тебе говорить, – сказала Белянка, – не своевольничай. Ежели засов не закрыт, стало быть, так надо, и не тебе его закрывать. Ну? Сколько тебе раз говорить? Скажи!

– Я боялась, что...

– Нет, ты скажи! Ага, не хочешь?

– Я только способствовала, чтобы беспорядку не было...

Белянка вlepила ей пощечину, и служанка ушла, плача от обиды.

– Глаза б мои не смотрели на всю эту свору, – сказала Белянка, и, поверотясь к цепному псу, рывкнула, – Пошел отсюда!

Пес, поджав хвост, убежал в будку и там заскулил.

– Здравствуй, – сказала Белянка, обнимая Любаву. – А это кто с тобой? Ишь потрепанный какой. Зовут тебя как, добрый молодец?

– Аскольд, – сказал Хелье.

– Аскольд? Заходи, Аскольд. Мужа моего, аспида, дома нету, угощу, чем смогу, не обижу. Где это вы плутали? Любава, ну и вид у тебя. Вас помыть надо. Мерзавка, иди сюда! – закричала Белянка.

Служанка появилась в гриднице, глаза долу.

– Баню топи сейчас же, пока я тебя не убила! Быстро! Ну!

Белянка топнула ногой. Служанка убежала топить баню.

– На стол я сама вам чего-нибудь соберу. Рубахи новые дам. Поневу возьмешь какую-нибудь мою, у меня много. Аскольд! Хочешь всем этим владеть? – Белянка повела рукой вокруг. – Сверни шею моему мужу. Впрочем, нет, хлипкий ты, а он здоровяк такой, как вяз столетний. Тогда зарежь его. Ну, что тебе стоит?

Непонятно было, всерьез она говорит или нет. Впрочем, какая разница? В печи горел огонь, вскоре на столе появилась еда – нехитрая, стегуны под рустом, новгородские – но показалась они и Хелье, и Любаве чрезвычайно вкусными. Подмигнув, Белянка выволокла откуда-то бутылку красного вина.

– Во! Греческое! – сказала она, счастливо улыбаясь.

Аскольд, заметила Белянка, по-своему очень даже привлекателен. Это ничего, что он не кряжистый (ей нравились кряжистые) и не мускулистый (ей нравились мускулистые), а лицо у него почти детское, безбородое (ей нравились бородатые мужчины с лицом, будто вырубленным тупым зубилом из камня). Обаятельный и улыбочивый Аскольд. Детская улыбка. Чем-то напоминает Кира, но Кир шире. И молчаливый он, Аскольд, и все вертит и вертит головой, будто прислушиваясь к чему-то.

Любава отдохнувшая, Любава вытянувшая поврежденную ногу вдоль ховлебенка по совету Аскольда, Любава залпом одолевшая наполненный до краев кубок греческого, расцвела вдруг румяным цветом на глазах Белянки. Щеки Любавы запунцовели, глаза засверкали, на спутника своего смотрела Любава все масленее, все игривее.

Белянка сообщила гостям, что аспидный супруг ее уехал убивать тура в компании с аспидным своим родственником, и было бы очень хорошо, если бы рассерженный тур их там обоих забодал, но, к сожалению, челядь и две дюжины псковских дружинников не позволят туру это сделать. Ужасно гадкое, лицемерное развлечение – сразу чувствуется влияние Пскова, шибко грамотного. И слово-то это – дружинники – определено псковское, от слов дружина и друг – псковитяне, они почти все родня норвежцам, очень много норвежских и датских слов.

Тут Аскольд вдруг ни с того ни с сего сообщил, что знал одного симпатичного норвежца, вовсе не лицемерного.

– Уж не Эрика Рауде ли? – насмешливо осведомилась Белянка.

– Именно его.

– Эрика? Самого Эрика?

– А что ж тут такого? Эрика многие знают.

– Но ведь он ниддинг. Скрывается.

– Ниддингом его объявили в Сигтуне и Хардангер-Фьорде. А в других краях его очень даже жалуют. А сейчас он путешествует. Едет в Винланд.

– А что такое Винланд? Это где?

И Аскольд рассказал, что к западу от Ледяной Земли, за морем, располагается огромный массив с горами и долинами. Добраться до него очень трудно – четыре дня хода по бурным волнам, огромные седые валы вздымают до небес и опускают в пропасть драккары и кнеррир, стена влаги заливаает палубы и крошит мачты, водовороты с корнем выдергивают руль, рулевой валится через стьйор-борд в воду, но те, кто согласен рискнуть и проявить упорство, все-таки добираются до приветливого теплого берега. На склонах там растет виноград, поля все в дивных цветах, в реках много рыбы, деревья круглый год дают сочные, сытные плоды, хищники отсутствуют. Можно жить ничего не делая хоть всю жизнь, а если и делать что-то, то только тогда, когда тебе этого очень хочется.

Несмотря на то, что выходило у него не так гладко, как у Эрика, Белянка увлеклась повествованием Хелье, а Любава, заметил он, все больше и больше скучала. Глаза потускнели.

Спутница его налила себе еще вина и выпила большими глотками. Это не дело, подумал он. Она ждет, когда я закончу говорить и отведу ее спать, и с нею останусь. Можно, конечно, да и хочется очень – уснуть с Любовой не на мокрой сленгкаппе, а в чистой, теплой постели, на мягкой, приятно пахнувшей ветром перине, после нескольких актов любви, уткнувшись носом ей в подмышку, поводя краем ступни по ее пятке. Но, кажется, поселяне, мне вменяют сие в обязанность? На меня, кажется, рассчитывают, будто я чего-то такое, на полке стоящее, всегда под рукой? Меня, кажется, уже считают собственностью? Уж нет. Зачем же. Только одна женщина имеет на это право. И зовут ее вовсе не Любава. О, возражения известны, приняты и учтены! Любава добрее, умнее, понятливее. С Любовой вообще, наверное, весело, если обстоятельства благоприятствует. И ее многое интересует – даже вояж Эрика Рауде наверное интересовал бы, если бы не наше давешнее путешествие через лес и не греческое вино. Хороша Любава, ничего не скажешь, хороша. Но стоит той, другой, живущей далеко и имеющей право, мигнуть, и все хвоеволие – эстетическое ли, плотское ли – тут же будет отравлено нестерпимой тоской, погаснет, разлетится влажными обрывками на предосеннем ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.